

© 2020. И. А. Виноградов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: не востребованное и забытое

Впервые полемика современников о «Мертвых душах» рассматривается в широком контексте формирования двух главных идеологий русского общества 1840-х гг. — славянофильства и западничества. Детально исследована история зарождения замысла, публикации и читательского восприятия знаменитой статьи К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя "Похождения Чичикова или Мертвые души"». Обозначена особая гоголевская позиция в отношении к спору Аксакова и Белинского, а также тесно связанная с этой позицией оценка Гоголем гомеровского эпоса. К числу впервые решаемых проблем относится определение основных черт авторского понимания жанра «Мертвых душ». Статья состоит из одиннадцати разделов: 1. Противоречивость мнений славянофилов и западников о поэме Гоголя; 2. Зарождение полемики К. С. Аксакова и В. Г. Белинского о «Мертвых душах»; 3. Противники и защитники брошюры Аксакова; 4. Отзывы Гоголя о брошюре Аксакова: ошибка комментаторов; 5. Культурно-исторический контекст полемики о «Мертвых душах»: предыстория спора Аксакова и Белинского; 6. Пафос утверждения: авторское определение жанра «Мертвых душ» и формирование замысла статьи Аксакова; 7. Авторское понимание жанра «Мертвых душ» и истолкование поэмы Белинским; 8. Недооценка Аксаковым религиозного обличения «мертвых душ»; 9. Гоголь и Аксаковы в отношении к поэмам Гомера; 10. Гоголь об истоках своего творчества и оценка составляющих гоголевской поэтики Аксаковыми; 11. Аксаковы как герои «Мертвых душ».

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, критика, общественная идеология, славянофилы, западники, поэмы Гомера, духовное наследие, герменевтика, жанр.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, ORCID 0000-0002-9151-4554, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления: 16.12.2019

Дата публикации: 24.03.2020

Для цитирования: Виноградов И. А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: не востребованное и забытое // Два века русской классики. Т. 2. № 1. С. 62–153. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-1-62-153

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. Igor' A. Vinogradov

Slavophilism v. Westernism in the dispute about Nikolai Gogol's novel "Dead Souls": unclaimed and forgotten

For the first time, the contemporaries' debate about "Dead Souls" is seen in the broad context of the formation of the two main ideologies of the Russian society of the 1840s — Slavophilism and Westernism. The story of the birth of the plot, publication and reading perception of Konstantin Aksakov's famous article "A Few Remarks on the poem "The Wanderings of Chichikov, or Dead Souls" by Nikolai Gogol" is thoroughly explored. Nikolai Gogol's special position in relation to Konstantin Aksakov's dispute with Vissarion Belinsky is marked, and also Nikolai Gogol's assessment of Homer's epic is closely related to that position. What is among the problems that have been for the first time solved, is the definition of the main traits of the author's understanding of the genre of "Dead Souls". The article consists of eleven sections: 1. Conflicting opinions on Nikolai Gogol's novel among Slavophiles and Westernisers; 2. The birth of Konstantin Aksakov's and Vissarion Belinsky's controversy about "Dead Souls"; 3. Opponents and defenders of Konstantin Aksakov's brochure; 4. Gogol's comments on Aksakov's brochure: commentators mistake; 5. The cultural and historical context of "Dead Souls" controversy, the background to the dispute between Konstantin Aksakov and Vissarion Belinsky; 6. Paphos claims, the author's definition of the genre of "Dead Souls" and the formation of the intent of Konstantin Aksakov's article; 7. The author's understanding of the genre of "Dead Souls" and Vissarion Belinsky's interpretation of the novel; 8. Konstantin Aksakov's underestimation of the religious denunciation of "dead souls"; 9. Nikolai Gogol and Konstantin Aksakov in relation to Homer's poems; 10. Nikolai Gogol on the origins of his creative work and the appreciation of Nikolai Gogol's poetics constituent by the Aksakovs; 11. The Aksakovs as "Dead Souls" characters.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, criticism, social ideology, Slavophiles, Westernisers, Homer's poems, spiritual heritage, hermeneutics, genre.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, ORCID 0000-0002-9151-4554, Doctor of Philology, Chief Investigator, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: info@imli.ru

Received: December 16, 2019

Published: March 24, 2020

For citation: Vinogradov I. A. Slavophilism v. Westernism in the dispute about Nikolai Gogol's novel "Dead Souls": unclaimed and forgotten. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 1, pp. 62–153. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-2-1-62-153

1. Противоречивость мнений славянофилов и западников о поэме Гоголя

История более чем полуторавекового восприятия поэмы «Мертвые души» представляет собой картину острой идейной борьбы за наследие писателя. Широко известно свидетельство А. И. Герцена в дневниковой записи от 29 июля 1842 г.: «...Толки о “Мертвых душах”. Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апофеоз Руси, Илиада наша, и хвалят, след<овательно>; другие бешутся, говорят, что тут анафема Руси, и за то ругают. Обратное тоже разделились антиславянисты» [Герцен 2: 219].

Отмеченное Герценом «смешение» в рядах противостоящих партий в оценке «Мертвых душ» требует объяснения. Во-первых, разброс мнений был обусловлен, по-видимому, тем, что замысел «Мертвых душ» оказался во многом неясен современникам. В 1842 г., спустя три месяца после выхода в свет первого тома, Гоголь писал о восприятии поэмы в читательских кругах С. Т. Аксакову: «...Еще не раскусили, в чем дело, <...> не узнали важного и главнейшего... <...> Ваше мнение: нет человека, который бы понял с первого раза “Мертвые души”, совершенно справедливо и должно распространиться на всех, потому что многое может быть понятно одному только мне» [Гоголь 2009–2010. 12: 108]. Спустя пять лет, в «Авторской исповеди», он вновь отмечал, что первый том «составляет еще поныне загадку» для читателя [Гоголь 2009–2010. 6: 228]. Прошло еще тридцать лет, и Ф. М. Достоевский, как бы подытоживая недоумения современников по поводу героев «Мертвых душ», писал: «Эти изображения, так сказать, почти давят ум глубочайшими непосильными вопросами, вызывают в русском уме самые беспокойные мысли, с которыми, чувствуется это, справиться можно далеко не сейчас; мало того, еще справишься ли когда-нибудь?» [Достоевский 22: 106].

Другой важной причиной разноречий в оценке «Мертвых душ» — одобрения гоголевского произведения частью из славянофилов, несмотря на его очевидный критический пафос, — явилась известная оппозиционность к существующему положению вещей не только «европистов», но и «восточников» [Виноградов 2017а; 2019а; 2019b; 2019с]. Будучи приверженцами начал Православия, Самодержавия, Народности, славянофилы именно поэтому часто были недовольны реальным течением дел на практике. Критика «справа» порой нечувствительно смыкалась с критикой «слева». Даже С. П. Шевырев, ожидавший от Гоголя в последующих томах «Мертвых душ» «изображения высокой и прекрасной стороны жизни» [Шевырев 1848: 10], тем не менее, в целом был согласен с критическим пафосом первого тома. И. С. Некрасов, в частности, свидетельствовал: «У меня был в руках тот экземпляр, по которому в первый раз прочел “Мертвые души” Шевырев. Экземпляр весь испещрен был знаками восклицания и словами одобрения, но не было ни одного критического замечания» [Некрасов: 34]¹.

Князь П. А. Вяземский в 1847 г. писал: «...Что Гоголь попал в руки литературным шарлатанам, это немудрено... <...> Что люди, провозглашающие наобум какое-то учение западных начал, искали в Гоголе союзника и оправдателя себе, это еще понятно. Он был для них живописец и обличитель народных недостатков и недугов общественных. Эти обличения несколько напоминали им болезненное, лихорадочное волнение Французских романистов. <...> Но что те, которые отказываются и предохраняют нас от влияния чужеземного, что те, которые

---

¹ Впрочем, во второй из статей о «Мертвых душах» С. П. Шевырев критические замечания в адрес поэмы все же высказал: «...Комический юмор Автора мешаает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме. Это особенно ясно в тех ярких замечках о Русском быте и Русском человеке, которыми усеяна Поэма. По большей части мы видим в них одну отрицательную, смешную сторону, полобхвата, а не весь обхват Русского мира» [Шевырев 1842b: 366]. Позднее Шевырев замечал, что «произведение Гоголя» «берет покамест действительность Русскую одною ее изнанкою»: «Да, мы скажем даже не для того только, чтобы умолкли все неистовые клики, но для полноты впечатления, принятого Россиею, настает крайняя необходимость во второй обещанной Поэтом половине, которая, по слову его, должна раскрыть самые высокие движения Русского духа» [Шевырев 1843: 282–286].

хотят, чтобы мы шли к усовершенствованию своим путем, росли и крепили в собственных началах, чтобы те самые радовались картинам Гоголя, это для меня непостижимо. В картинах его, по крайней мере в тех однородных картинах, которые начинаются *Ревизором* и кончаются *Мертвыми душами*, все мрачно и грустно» [Вяземский 1847: 418].

Три месяца спустя, Вяземский писал также Жуковскому: «Я рад, что ты освежился русским духом в беседе с Хомяковым, замечательно умным и приятным человеком. Хотя его народность и руссословие несколько отуманены немецким, или вообще нерусским направлением. Признаюсь, не понимаю, чего они хотят, то есть Хомяков и московская братия. <...> Один пар бьет столбом из-под обетованной их земли. Вот отчего и говорю, что эти отчаянные руссословы — более всего немцы и что коренная Русь, верно, их не понимает и не признает. Вот, например, Уваров тот другое дело: он запряг себя в тройку самодержавие, православие и народность и дует по всем по трем» [Гиллельсон 1969: 296–297].

В 1855 г. Вяземский, назначенный на должность товарища министра народного просвещения, получил письмо от известного славянофила И. В. Киреевского, где тот вполне «по-герценовски» выговаривал ему: «Доказательство<м> того, что правительство всегда отличало таланты и покровительствовало словесности, Вы приводите (в статье «Несколько слов о народном просвещении в настоящее время» (1855) [Вяземский 1882]. — И. В.) в пример Карамзина, Жуковского, Пушкина, Батюшкова, Крылова и Гоголя. Но <...> покойный император <Николай I> никогда не любил словесности и никогда не покровительствовал ей. <...> Один Булгарин с братиею пользовались постоянным покровительством правительства во все продолжение царствования» [Гиллельсон 1966: 132].

Д. Н. Свербеев в 1864 г. замечал, что именно «доктрина славянофилов, без их ведома, изобрела порох для огнедышащих против России орудий другой доктрины, доктрины Бакуниных, Огаревых, Герценов, Михайловых, Чернышевских и т. д., дала им в руки самые лучшие спички для их поджогов, приспособила самые прочные колеса для того паровоза, на котором Бакунин, Огарев и проч. желают мчать нас в пропасть, вместо той загадочной тележной тройки, в которой ухарски хотел прокатиться с нами Гоголь; его телега так и осталась не запряженной, а революционный паровоз уже скачет...» [Симонова: 198]. Тот же Герцен в 1850 г. отмечал, что идеи социализма, разделяющие Европу

на «два враждебных лагеря», в России признаны не только западниками, но и славянофилами [Герцен. 7: 248].

Консервативная составляющая в славянофильском движении была ограничена; это течение носило по преимуществу либеральный характер. Само понимание патриотизма не только западниками, но и «восточниками» было во многом декларативным, сродни тем «благородным» вывескам, которыми неизменно украшали себя тогдашние многочисленные противоположительственные общества: Ложа Святой Екатерины; Ложа трёх христианских добродетелей; Ложа Доброго пастыря, Союз благоденствия, Ложа Славянского орла, Ложа Соединенных славян, Общество соединенных славян, Ложа Истинного патриотизма, Общество Святых Кирилла и Мефодия и т. п. На протяжении всего XIX в. развитие общественной мысли шло в России в основном «под знаком» декабризма, а отнюдь не по тем началам, следовать которым призывало современников правительство.

Ф. Ф. Вигель в 1847 г. обращался к самому Гоголю: «Мне кажется, вы где-то¹ говорите о двух станах, о Славянистах и Европистах... <...>; я тоже что-то такое слышал, только не совсем так. Утверждают, что есть две какие-то партии, но ничего не упоминается ни о станах, ни о вражде, ни о ратоборстве. <...> ...У этих скакунов <...> одна цель, но только две разные дороги... <...> Эти две параллельные линии так близко одна от другой и так дружно бегут, что без напряженного внимания трудно одну от другой отличить. <...> Кто несет католицизм, кто гегелизм, кто коммунизм, кто во что горазд. Все хладнокровно горячится, все бредит Европой, все прославляет ее, смешивает Россию с грязью...» [Гоголь 2009–2010. 14: 240–241].

Сын Н. А. Полевого, Петр Николаевич Полевой, в 1887 г. указывал: «Припомним то положение, которое Гоголь занял во главе русской литературы после того, как выдал в свет первую часть “Мертвых душ”; припомним то, что те партии, на которые наше общество сороковых годов распадалось так резко и так определенно, смотрели на Гоголя одинаково благоприятно, равно сочувствовали ему и почти равно превозносили его... <...> ...Дело в том, что невинный, веселый, свежий юмор его первых произведений нравился всем, а его жестокая, беспощадная сатира, бичевавшая русскую жизнь, еще более пришлась всем по вкусу. Недовольство современною русскою действительностью в

---

¹ В статье XI. Споры «Выбранных мест из переписки с друзьями».

сороковых годах было общим не только среди крайних и умеренных западников, но и среди славянофилов; при этом недовольстве (которое можно было высказывать лишь весьма осторожно), как у западников, так и у славянофилов, были уже наготове для будущего теоретически выработанные планы переустройства русской жизни. У западников они опирались на парламентаризм и последние слова европейской политической и экономической науки, а у славянофилов — на фантастическую идеализацию древнерусских и народных начал. Отрицательное направление Гоголя ни тем, ни другим не мешало; его порицания и отрицания только служили подтверждением необходимости будущих реформ, которые и славянофилы, и западники одинаково считали панацеей всех зол и бедствий русской жизни. Вот почему Гоголь и тем, и другим был люб и дорог именно как апостол отрицания, как порицатель и обличитель» [Полевой П. Н.: 182–183].

Применительно к славянофилам это наблюдение верно лишь отчасти. Славянофил Ф. В. Чижов, к примеру, — которому тоже была присуща некоторая «оппозиционность», 4 марта 1847 г. писал самому Гоголю: «...Как подействовало на меня ваше сочинение — “Мертвые Души”. <...> В первый раз я прочел его в Дюссельдорфе¹ и оно просто не утомило, а оскорбило меня. Утомить безотрадною выставленных характеров не могло, — я восхищался талантом, но как русский был оскорблен до глубины сердца. <...> Один приятель мой, петербургский чиновник, первый своим неподдельным восторгом сблизил меня с красотами “Мертвых Душ”, — я прочел еще раз, после читал еще, отчетливее понял, что восхищало меня, но болезненное чувство

---

¹ В Дюссельдорфе Ф. В. Чижов находился летом — осенью 1842 г., где жил также В. А. Жуковский, с которым Чижов не раз встречался по делам А. А. Иванова (см.: [Виноградов 2001b: 263–264, 269]). Позднее Чижов вспоминал: «Проживая в Дюссельдорфе, я бывал у Жуковского раза три-четыре в неделю, часто у него обедал, и мне не раз случалось говорить с ним о Гоголе. Прочтя наскоро “Мертвых душ”, я пришел к Жуковскому. Признаюсь, с первого разу я очень мало раскусил их. Я был восхищен художническим талантом Гоголя, лепкою лиц, но, как я ожидал содержания в самом событии, то, в первый раз, в ряде лиц, для которых рассказ о мертвых душах был только внешним соединением, видел какое-то отсутствие внутренней драмы. Я об этом сообщил Жуковскому и из его слов увидел, что ему не был известен полный план Гоголя. На замечание мое об отсутствии драмы в “Мертвых душах”, Жуковский отвечал мне: “Да и вообще в драме Гоголь не мастер...”» [Кулиш: 368].

не истреблялось. Чиновник этот не из середины России, — он родился и вырос в Петербурге, ему не понятны те глупости, какие у нас взрощены с детства» [Гоголь 2009–2010. 14: 223].

Из тех читателей и критиков, для которых слова Православие, Самодержавие, Народность не были пустым звуком, дружеской критике собирався подвергнуть первый том поэмы В. А. Жуковский. 14 ноября (н. ст.) 1842 г. он писал Гоголю: «Еще я не послал к вам критики на ваши “Души”, потому что это работа большая, а я не скоро могу решиться на длинное письмо. Вам же моя критика не так теперь необходимо нужна — книга уже напечатана. Вообще же мое мнение о знакомых мне отрывках вы знаете» [Гоголь 2009–2010. 12: 160]. 21 ноября 1842 г. с предложением написать разбор «Мертвых душ» обратился в письме к Жуковскому Вяземский [Гиллельсон 1980: 38–39]. Спустя некоторое время Жуковский послал Гоголю еще одно письмо, на которое Гоголь 5 мая (н. ст.) 1843 г. отвечал: «Благодарю вас еще за третье удовольствие, которое принесло мне письмо ваше, именно за два слова о М<ертвых> д<ушах> и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно. Судя по всему, дело кажется не обойдется без ругани. Это я люблю, тем более, что я не почитаю вовсе дело конченным, если вещь напечатана, а как и почему — об этом мы поговорим с вами, и вы в этом согласитесь со мною. Обещанием *похерить* многое вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любил, когда меня побранивали, а теперь просто всякое слово упрека в грехе для меня червонец» [Гоголь 2009–2010. 12: 226–227].

Приятельница Гоголя (а также близкий друг Пушкина, Жуковского и многих других писателей), бывшая фрейлина А. О. Смирнова, которая сама себя относил к «примирительным» славянофилам [Гоголь в воспоминаниях 2: 555] («...через Малороссию пройдем мы в Константинополь, чтобы сдружиться и слиться с западными братьями славянами», — писала она Гоголю 3 ноября 1844 г. [Гоголь 2009–2010. 12: 503]), в послании к писателю от 18 декабря 1844 г., в частности, замечала: «...Вы не вправе налагать на себя наказание за свои литературные грехи голодом. Эти грехи уже тем наказаны, что вас препорядочно ругают и что вы сами чувствуете, сколько мерзостей вы пером написали» [Гоголь 2009–2010. 13: 16].

Сдержанно отнесся к «Мертвым душам» еще один давний друг Гоголя, славянофил М. П. Погодин. Осенью 1841 г., после чтения авто-

ром последних пяти глав поэмы, он высказал Гоголю ряд критических замечаний, из которых С. Т. Аксакову запомнилось только то, что «в первом томе содержание поэмы не двигается вперед; что Гоголь выстроил длинный коридор, по которому ведет своего читателя вместе с Чичиковым и, отворяя двери направо и налево, показывает сидящего в каждой комнате уroda» [Гоголь в воспоминаниях 2: 704]. В 1847 г., с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», где содержался критический отзыв Гоголя о Погодине, последний писал ему: «На досуге по вечерам я хотел было исписать “Мертвые души”, но оставил это намерение после твоей последней книги, чтоб мои замечания не были растолкованы отмщением» [Гоголь 2009–2010. 14: 284]. Ранее, в 1842 г. Погодин отказался напечатать в редактируемом им журнале «Москвитянин» благожелательную (отчасти восторженную) статью о «Мертвых душах» К. С. Аксакова — «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мертвые души”» (см. ниже). Зато несколько месяцев спустя Погодин напечатал в «Москвитянине» статью неизвестного автора «Путевые впечатления», с примечанием: «Помещая эту статью, надеюсь, мне не нужно предупреждать читателей, что Москвитянин почти совершенно не согласен с литературными мнениями Автора. Я поставил себе за правило помещать все присылаемое ко мне: против себя, своих сотрудников и друзей, и при этом случае не нахожу причин изменять ему, — тем более, что статья имеет свои достоинства» [Погодин: 178]. В статье, в частности, содержался критический разбор первого тома «Мертвых душ». «В этом сочинении, — писал неизвестный рецензент, — нет никакого плана, ни даже тени правдоподобия; самый слог местами чересчур уже низок и приличен только толкучему рынку» [Путевые впечатления: 189]. Спустя еще три года Погодин поместил в своем журнале такой же негативный отзыв о «Мертвых душах» помощника попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова, — того самого, который ранее, в 1841 г., исполняя обязанности председателя Московского цензурного комитета, выступил против публикации первого тома «Мертвых душ» (см. письмо Гоголя к П. А. Плетневу от 7 января 1842 г. [Гоголь 2009–2010. 12: 8]). В 1845 г. Голохвастов, автор трудов по древнерусской истории, первый издатель высоко оцененного позднее Гоголем «Домостроя», писал, имея в виду В. Г. Белинского: «Не

верим Рецензенту “О<течественных> З<аписок>”¹, когда он говорит, что Русская литература в лице Гоголя “обратилась преимущественно к изображению русского общества”. <...> Грибоедов и Гоголь показали нам одни карикатуры. Если они хотели составить нравственно-патологическую коллекцию уродов, то вполне успели. Если же это изображение нынешнего Русского общества, то любопытно, в ком из действующих лиц в комедии Грибоедова и в романе Гоголя, — а их довольно много, — Рецензент захочет узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру? Неужели мы Русские должны так мало уважать в себе человечество, так мало сознавать в себе *человеческого* и *национального* достоинства, что при всякой выставке карикатур должны хлопать в ладоши и с восхищением кричать: это мы! это мы! похожи! похожи как две капли воды!» [Голохвастов: 71–72]. В 1846 г. в обзоре одного из ближайших сотрудников Погодина в «Москвитянине» А. Е. Студитского «Русская словесность в 1845-м году» о Гоголе говорилось как о продолжателе «разрушительного» направления, заданного О. И. Сенковским и поддержанного М. Ю. Лермонтовым. «... Мы хотели, — писал Студитский, — <...>, чтобы поэт взглянул <...> на нашу жизнь, чтобы в его созданиях, как в верном зеркале, мы могли видеть себя со всех сторон». В «Мертвых душах», продолжал критик, «<ни> одного лица нет живого — в благородном значении этого слова, <...> название <“мертвые души”> столько же прилагается и к тем душам, которые торгуются, продаются, покупаются, вводятся в крепости, и к тем, которые торгуют, продают, покупают, заключают крепости! Самое отвращение общества к отвратительному торгу выразилось в мертвой, отвратительной форме! <...> Преклоняемся пред дарованием поэта, но жалеем о том мертвом направлении, по которому он шел до сих пор, изображая великую Русь, и ожидаем с нетерпением новых произведений его гения, кои должны примирить с ним и недовольных» [Студитский: 253–256]. В 1848 г. в погодинском «Москвитянине» появилась также статья М. А. Дмитриева «О натуральной школе и народности», где тот в свою очередь замечал: «Никто не будет отрицать, чтобы в первых произведениях Гоголя, в Вечерах на хуторе — и в Миргороде, не было натуры; однако ж в них он не был копи<и>стом.

---

¹ Имеется в виду рецензия В. Г. Белинского на книгу «Грамматические разыскания В. А. Васильева» (СПб., 1845), опубликованная в № 8 «Отечественных Записок» за 1845 г.

<...> Напротив (да простят мне и Гоголь, которого люблю, и его прежние поклонники, которых не люблю) — в повести *Мертвые души*, в которой он слишком близко захотел подойти к действительному миру (хотя и не подошел к нему) — я не вижу художника, потому что не вижу целостности идеи в жизни, им изображаемой!» [Дмитриев: 21–23].

Приятель Погодина, цензор и этнограф И. М. Снегирев, через которого в 1842 г. Гоголь безуспешно пытался провести в московской цензуре первый том «Мертвых душ», позднее в частной беседе высказывался о поэме предельно откровенно. Спустя месяц после кончины Гоголя, 19 марта 1852 г., Ф. И. Буслаев записал в дневнике: «Глубокомысленный И. М. Снегирев, по случаю толков о Гоголе, с свойственной ему пако-стию, изволил выразиться: “оно и точно! как посмотришь с другой стороны, так что же такого сделал Гоголь? Разве то-то, что показал Европе жопу России, которой он поднял подол”» [Гоголь в воспоминаниях 3: 16]. (За исключением резкости высказывания, Снегирев, по сути, почти буквально повторял суждение о «Мертвых душах» своего непосредственного начальника в цензурном комитете Голохвастова).

2. Зарождение полемики К. С. Аксакова и В. Г. Белинского о «Мертвых душах»

Несмотря на отмеченные Герценом полярные мнения о гоголевской поэме как в кругу славянофилов, так и в среде «антиславянистов», главный водораздел между суждениями, тем не менее, проходил все-таки не внутри партий, а между ними. Центральное место здесь, безусловно, занимает полемика о поэме Гоголя двух наиболее выдающихся зачинателей славянофильского и западнического течений русской мысли К. С. Аксакова и В. Г. Белинского. Не случайно эта полемика, оказавшая существенное влияние на само формирование славянофильства и западничества (она является *первым* публичным актом размежевания в позициях критиков), неоднократно привлекала к себе внимание исследователей¹. Однако до сих пор до конца не проясненными остаются ни

---

¹ См., в частности, статью В. В. Кожина [Кожин] и обстоятельное исследование В. А. Кошелева [Кошелев 1976]. Особо следует отметить издания текстов К. С. Аксакова, подготовленные А. С. Куриловым [Аксаков К. С., Аксаков И. С.] и В. А. Кошелевым [Аксаков К. С. 1995].

существо спора, ни отношение к этой полемике самого Гоголя. Назрела необходимость определить, по каким причинам полемика о литературном произведении, в частности, наблюдения о жанре гоголевского произведения, приобрели в свое время такое значение, что спор о «Мертвых душах» стал, по выражению Белинского, «вопросом столько же литературным, сколько и общественным» [Белинский 5: 114].

Повод для размышлений был дан самим Гоголем. На рисованной им обложке первого тома «Мертвых душ» слово «ПОЭМА» было напечатано крупными, выделяющимися буквами — крупнее даже самого заглавия. Необычность авторского определения жанра нового произведения была прежде всего замечена первыми критиками поэмы. Недоброжелатели Гоголя, Н. А. Полевой, О. И. Сенковский, Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, расценили его как «шутку» [Полевой Н. А.: 40; Сенковский: 24; Греч: 547], «верх смешного» [Булгарин: 346]. Барон Е. Ф. Розен считал авторское определение жанра «Мертвых душ» «почетным», но «им не подобающим титулом» [Розен: 722]. Е. А. Боратынский летом 1842 г. писал матери по поводу «Похождений Чичикова...», что «рассуждения о чувствах, тирады о России кажутся совершенно не к месту в этом бурлескном произведении, украшенном названием поэмы» [Боратынский: 63]. Более сдержанно на этот счет высказался в 1842 г. рецензент «Литературной Газеты» (издававшейся под редакцией Ф. А. Кони): «Без всякого сомнения, автор “Мертвых душ” только в шутку назвал *поэмою* свое прекрасное произведение. Но если поэма, в сравнении с романом, обхватывает собою более огромную сторону жизни какого-либо народа, то “Мертвые души” не без причины названы поэмою. Это поэма комическая...» [Похождения Чичикова: 470].

Еще более благожелательно отозвался об авторском определении жанра «Мертвых душ» друг Гоголя, поэт и критик С. П. Шевырев, замечая, что «полный ответ» на вопрос, почему новое создание Гоголя названо поэмой, «можно дать только тогда, когда будет окончено все произведение»: «Теперь же значение слова: Поэма, кажется нам двояким: если взглянуть на произведение со стороны фантазии, которая в нем участвует, то можно принять его в настоящем поэтическом, даже высоком смысле; но если взглянуть на комический юмор, преобладающий в содержании первой части, то невольно из-за слова: Поэма, выглянет глубокая, значительная ирония, и скажешь внутренно: не

прибавить ли уж к заглавию: Поэма нашего времени?» [Шевырев 1842b: 376].

В. Г. Белинский в статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души», опубликованной в 1842 г. в июльском номере «Отечественных Записок», писал: «...Мы скажем только, что не в шутку назвал Гоголь свой роман “поэмою” и что не комическую поэму разумеет он под нею. <...> Мы не видим в ней ничего шуточного и смешного; ни в одном слове автора не заметили мы намерения смешить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиция, введение в поэму, что автор обещает еще две такие же большие книги, в которых мы снова встретимся с Чичиковым и увидим новые лица, в которых Русь выразится с другой своей стороны... Нельзя ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее понимать их, как видя в них сатиру» [Белинский 5: 53–54].

Сходное мнение о «Мертвых душах» высказал тогда же двадцатипятилетний К. С. Аксаков — в ту пору начинающий поэт и критик, впоследствии член-корреспондент Академии наук, магистр русского языка и словесности. В конце мая 1842 г. он писал Ю. Ф. Самарину по поводу «Мертвых душ»: «В голове у меня образуется целая статья, и я, может быть, напишу ее, может быть и напечатаю» [Гоголь в неизданной переписке: 624]. К. С. Аксаков выполнил свое намерение и опубликовал статью «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» [Аксаков К. С. 1842a]. Брошюра К. С. Аксакова вышла в свет во второй половине июля 1842 г., то есть спустя две-три недели после статьи Белинского. Рассматривая сходство Гоголя с Гомером (впрочем, лишь «в отношении к акту творчества»), К. С. Аксаков замечал: «...Глубоко значение, являющееся нам в “Мертвых Душах” Гоголя! <...> ...Древний эпос восстает пред нами. <...>...Эпическое созерцание Гоголя — древнее, истинное, то же, какое и у Гомера... <...>, из-под его творческой руки восстает, наконец, древний, истинный эпос. <...> Да, это поэма, и это название нам доказывает, что автор понимал, что производил; понимал всю великость и важность своего дела» [Аксаков К. С. 1842a: 1, 5, 8].

Очевидно, что взгляды К. С. Аксакова и В. Г. Белинского на гоголевскую поэму — по крайней мере, в том, что «Мертвые души» не являются сатирой, — первоначально почти совпадали. Однако прочитав статью Константина Аксакова, Белинский поспешил размежеваться со

славянофильскими воззрениями: «...Поскольку концепция Аксакова <...> была аргументом в пользу славянофильских идей, Белинский немедленно выступил с резкой полемикой» [Кожин: 74]. Вследствие этого критик отказался рассматривать замысел поэмы в целом и сосредоточил внимание лишь на первом томе. «В смысле поэмы “Мертвые души” диаметрально противоположны “Илиаде”. В “Илиаде” жизнь возведена на апофеозу: в “Мертвых душах” она разлагается и отрицается», — писал Белинский в рецензии на брошюру К. С. Аксакова [Белинский 5: 58].

Ранее в современной Гоголю критике уже высказывалось мнение о сходстве его произведений с поэмами Гомера. Еще в 1835 г., предвзято наблюдая К. С. Аксакова, тот же Белинский замечал о «Тарасе Бульбе»: «Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!.. Если говорят, что в “Илиаде” отражается вся жизнь греческая в героический ее период, то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о “Тарасе Бульбе” в отношении к Малороссии XVI века...» [Белинский 1: 181]. Слова Белинского о гоголевской повести — «дивной эпопее <...> достойной Гомера» [Белинский 1: 175] — запомнились, и в 1842 г. еще один недоброжелатель Гоголя, К. П. Масальский, имея в виду эти высказывания, восклицал: «Мы не понимаем, почему *Мертвые души* названы поэмой. Насмешники, пожалуй, скажут, что автор поверил критикам, которые произвели его за *Тараса Бульбу* в Гомеры, и назвал *Похождения Чичикова* поэмою потому, что Гомерова *Илиада* называется поэмою. Вероятно это шутка; но нам кажется, что шутить в заглавии сочинения неуместно. Всякую вещь должно называть ее именем, говорит французская пословица. Если *Похождения Чичикова* поэма, то мы не видим препятствия назвать *Ревизора* трагедией¹ в пяти действиях» [Масальский: 5].

---

¹ Заметим, что последнее предположение было недалеко от истины. Сам Гоголь видел в «Ревизоре» не простую комедию, но «комедию-трагедию» (подробнее об этом см.: [Виноградов 2000а: 293–295]). Трагический характер гоголевского смеха современники усматривали не только в «Ревизоре». С. Т. Аксаков в письме от 6–8 февраля 1843 г., к примеру, сообщал Гоголю: «Вчера был у меня П<авлов>, который, несмотря на больные глаза, приезжал в театр, который был поражен “Игроками” и, сидя подле меня, говорил, что это — трагедия...» [Гоголь 2009–2010 12: 182]. По наблюдению В. И. Шенрока, «осуждение Н. Ф. Павловым “Игроков”

Таким образом, Белинский, взявший поначалу под защиту гоголевское определение жанра «Мертвых душ», спустя месяц, в полемике с К. С. Аксаковым, отвергнув сравнение поэмы Гоголя с поэмами Гомера, вернулся к своим ранним утверждениям о невозможности жанра «поэмы» в современной литературе (см. ниже). Очевидно, что высказанное тогда Белинским утверждение, что с Гомером у Гоголя «нет ничего общего» [Белинский 5: 144], диктовалось прежде всего тактическими соображениями, — ибо нередко «те или иные высказывания Белинского о Гоголе были продиктованы требованиями литературной политики» [Кожин: 73]. Сказанные в этой полемике слова Белинского о том, что «“Илиаду” может напомнить собою только такая поэма <...> в которой <...> жизнь *полагается*, а не *отрицается*» [Белинский 5: 158], вполне могли быть применены к «Тарасу Бульбе», — а следовательно, не исключали и прежнего сравнения Гоголя с Гомером. Однако к прежнему своему высказыванию о «Тарасе Бульбе» как «гомерической эпопее» Белинский так и не вернулся. Выделяя впоследствии, в «Ответе “Москвитянину”», гоголевскую повесть из других созданий Гоголя (где писатель является «живописцем пошлости жизни») как произведение «высоко трагическое», Белинский подчеркивал, что «из всех известных произведений европейских литератур» пример подобного, как в «Тарасе Бульбе», «слияния серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного, представляет только “Дон-Кихот Сервантеса» [Белинский 8: 311–312].

Еще одним примером «тактической» переменчивости суждений Белинского применительно к задачам литературной полемики может служить его статья «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке». Едва успев выступить с возражением на брошюру К. С. Аксакова, Белинский в «Литературном разговоре...», напечатанном месяц спустя, споря с О. И. Сенковским, вновь берет под защиту авторское определение жанра «Мертвых душ». Белинский замечает: «... Что касается до меня лично, я *пока* готов принять слово “поэма”,

---

за то, что эта пьеса вовсе не комедия, а трагедия», а также мнение того же Павлова о том, что ее «не следовало <...> печатать», использовано Гоголем в «Развязке Ревизора», будучи в несколько измененном виде отнесено к «Ревизору»: «Гоголь заставил там Петра Петровича воскликнуть: “Признаюсь на меня *ни одна трагедия*, не производила такого печально-го, такого тягостного, такого безотрадного чувства”» [Шенрок: 102].

в отношении к “Мертвым душам”, за равнозначительное слову “творение”. В этом значении всякое произведение поэзии есть поэма — и ода, и песня, и трагедия, и комедия. <...> Что рецензент насмехается над словом “поэма” в приложении к “Мертвым душам”, это происходит оттого, что он не понимает значения слова “поэма”. Как видно из его намеков, поэма непременно должна воспевать народ в лице ее героев. Может быть, “Мертвые души” и названы поэмою в этом значении; но произнести какой-нибудь суд над ними, в этом отношении, можно только тогда, когда выйдут две остальные части поэмы» [Белинский 5: 129]. По замечанию В. А. Кошелева, «разные полемические соображения заставляют Белинского ставить под вопрос гоголевское обозначение жанра»: «В полемике с Сенковским ему важно указать на *глубину* гоголевского замысла; в споре с Аксаковым — умерить излишнее рвение своего оппонента» [Кошелев 1976: 99].

Таким образом, сделанные наблюдения приводят к выводу, что, судя по раннему отзыву Белинского о «Тарасе Бульбе», по его отзывам о «Мертвых душах» в статьях «Похождения Чичикова...» и «Литературный разговор...», позиция критика в его полемике с Константином Аксаковым, в которой он существенно изменил свою первоначальную точку зрения на связь творчества Гоголя с наследием Гомера, была не вполне искренней. Она диктовалась тактическими соображениями Белинского, всегда считавшего политические задачи литературной критики первостепенными.

3. Противники и защитники брошюры Аксакова

Однако первым противником статьи К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мертвые души”» стал не Белинский, а еще один из близких друзей Гоголя, известный историк, прозаик и публицист М. П. Погодин — а вместе с ним и Шевырев. В 1842 г. Погодин отказался напечатать аксаковскую статью в редактируемом им журнале «Москвитянин». По объяснению его биографа Н. П. Барсукова, «познакомившись с этою статьею, Погодин, любя автора и оберегая его от насмешек, не согласился напечатать ее в Москвитянине; это возбудило неудовольствие С. Т. Аксакова, и он жаловался на Погодина Гоголю» [Барсуков 6: 297–298].

Сергей Тимофеевич Аксаков, отец К. С. Аксакова, известный впоследствии писатель, свою «жалобу» на Погодина изложил в письме к Гоголю от 3–5 июля 1842 г.: «Вчера <4 июля> получил Константин письма от Погодина, который отказывается напечатать его статью о “Мертвых душах”, хотя она уже была набрана¹; будучи сам слеп, боится, что осмеют человека зрячего... <...> Константин напечатает свою статью особой брошюрой» [Гоголь 2009–2010. 12: 91].

Позднее С. Т. Аксаков в своей «Истории нашего знакомства с Гоголем...» пояснял: «Статья Константина, о которой говорится в этом письме, была принята Погодиным в журнал без всякого сопротивления, но его сбил Шевырев. Погодин очень боялся, что мы с Константином осердимся за его отказ напечатать статью, и написал об этом большое письмо ко мне... <...> Я отвечал очень ласково <...> и уверял его, что Константин не питает никакого неудовольствия... <...> Погодин очень обрадовался и написал к нам пренежную записку, в которой расхвалил Константина за его скромность и кротость. Погодин немедленно уехал за границу и, уже будучи в Париже, получил известие, что статья Константина напечатана» [Гоголь в воспоминаниях 2: 719].

Шевырев 1 сентября 1842 г. сообщал Погодину: «Ты принял ответ Аксакова за смирение: он ту же минуту выдал статью свою брошюрой

---

¹ Цензурная история брошюры К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (М., 1842; подпись под текстом: «Июня 16 1842». Цензурное разрешение 7 июля. Цензор Н. Крылов [Аксаков К. С. 1842а]) отражена в «Журналах заседаний Московского цензурного комитета» за июль 1842 г. Из этой истории следует, что статья К. С. Аксакова была представлена в цензуру еще в июне 1842 г., следовательно, действительно предназначалась для журнала, так как М. П. Погодин отказал Аксакову в публикации лишь 4 июля. «Июля 3-го дня <...> Представлены были <в июне>: Рукописи: <...> Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Определено: Поручить рассмотреть Г. Цензору Крылову. <...> Июля 10-го дня <...> Одобрены к напечатанию <...> с 9 по 16 число Июня Г. Цензором Крыловым рукопись: Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. Определено: Выдать представившим. <...> Июля 24-го дня <...> с 17 по 24 число сего Июля месяца выданы были Г. Цензорами билеты на выпуск в свет отпечатанных книг и нот; а именно: <...> Г. Цензором Крыловым на книгу: Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души» (Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 31. Оп. 5. Д. 169. Л. 27 об., 31, 37 об.).

отдельной. Но всеобщий хохот читавших (даже и его стороны) был ему вземзидем за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в Отеч<ественных> Зап<исках> сказал ему дело — оправдывается у нас в 9-м №» [Гоголь в воспоминаниях 2: 92].

После того, как К. С. Аксаков ответил на рецензию Белинского статьей «Объяснение» в девятом номере «Москвитянина» за 1842 г. (подпись под статьей: 17 авг<уста> 1842; цензурное разрешение 25 сентября [Аксаков К. С. 1842b]), Белинский откликнулся на возражения Аксакова «Объяснением на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”», опубликованным в том же году в ноябрьском номере «Отечественных Записок» [Белинский 5: 139–160]. На этом журнальная полемика прекратилась, так как на последнее выступление Белинского Константин Аксаков отвечать не стал. Первоначально он даже сомневался, стоит ли печатать и «Объяснение», а убедившись в том, что любые объяснения бесполезны, воздержался от продолжения спора. Сестра К. С. Аксакова Вера в письме к М. Г. Карташевской от 1 ноября 1842 г. замечала по поводу «Объяснения на Объяснение...» Белинского: «Никакое благородство не защитит против этих бессовестных, бесчестных журналистов...» [Аксаков К. С. 1995: 492], а в письме от 13 ноября 1842 г. добавляла, что статья Белинского «разумеется... останется без ответа» [Аксаков К. С. 1995: 492].

1 октября 1842 г. Погодин писал С. Т. Аксакову из Парижа: «Как горько было мне услышать, что Константин напечатал свою статью о Гоголе! Как досадно мне было на вашу слабость. Неужели и в вас недостало столько литературной доверенности ко мне, чтоб согласиться со мною, что статья не годится для печати в первом виде? Неужели я не напечатал ее без основания? Неужели легко мне было прислать ее назад? Неужели не рад бы я был всякому успеху Константина?» [Гоголь в воспоминаниях: 721].

Дело, однако, заключалось не только в «заботе» Погодина о литературной репутации Константина Аксакова. По-видимому, сыграло роль и личное нерасположение Погодина к К. С. Аксакову. Погодин, в частном пансионе которого одно время обучался Константин Аксаков, относился к своему бывшему воспитаннику неоднозначно. В дневнике под 25–26 августа 1845 г. он, в частности, записал о Константине Аксакове: «Как противе<н> этот болтун: год он был без памяти от Гегеля, потом “Мертвых душ”, потом лекций Грано<вского>, теперь

Шев<ырева>, которого ненавидит и презирает»¹ (ср. также слова С. Т. Аксакова из письма к Гоголю от 21 мая 1848 г. о «давно затаенной злобе» Погодина «на Константина» [Гоголь 2009–2010. 15: 88]).

А. П. Елагина 23 сентября 1842 г. сообщала А. Н. Попову о новостях московской литературной жизни: «Гремит брошюрка Аксакова о Гоголе. Поэма его возвышена до небес и сравнена с Шекспиром, с Гомером. Это бы еще хорошо бы, *как мнение*; но выражено оно не совсем изящно» [Бартенев 1886: 336]. М. Н. Катков 20 февраля 1843 г. извещал того же Попова из Москвы, что «брошюрка Аксакова возбудила и здесь общий смех» [Катков: 480].

Позднее С. Т. Аксаков вспоминал о статье своего сына: «Погодин [и Шевырев] не ошибся в том, что она будет принята всеми враждебно. <...> Как только она вышла из печати, все журналисты, все неприятели и даже почти все приятели Гоголя, говоря буквально, взбесились. Град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений посыпался печатно и письменно на Константина. Надобно сказать, что один только Плетнев оценил печатно брошюрку Констан<ина>² и отдал ей должную справедливость. Раздражение было так велико, что сначала не было возможности ни с кем спорить. Я ожидал восстания, но не всеобщего и не в такой степени неистового. Я был так удивлен им, что даже на некоторое время усумнился в справедливости моего собственного взгляда и суда. 12 уже лет прошло этому событию; не один раз перечитал я эту брошюру с искренним желанием найти в ней справедливые причины общего раздражения. Собираясь писать эти строки, я еще раз прочел ее и не нахожу ничего, что могло бы оправдать волнение, ею произведенное. Раздавался общий крик, что Константин назвал Гоголя Гомером, что совершенная неправда. Константин сказал только, что у Гоголя *есть эпическое созерцание, древнее, истинное, какое было и у Гомера*. Я спрашиваю по совести каждого: значит ли это, что Гоголь равен Гомеру, что он Гомер? Бесновавшийся тогда Шевырев сам через несколько лет переврал в одной из своих статей именно эту

---

¹ *Погодин М. П.* Дневник. 1840–1845 // Российская государственная библиотека (далее — РГБ). Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 74 об. Н. П. Барсуков ошибочно читал иначе: «Как противны эти болтуны: год они были без памяти от Гоголя, потом от “Мертвых душ”, от лекций Грановского, теперь Шевырева, которого ненавидели и презирали» [Барсуков. Кн. 8: 85].

² Рецензию П. А. Плетнева см. ниже.

самую мысль Константина, а потом и еще кто-то в одном из петербургских журналов повторил эту же мысль — и никто не обратил даже внимания на них» [Гоголь в воспоминаниях 2: 719].

На непоследовательность Шевырева в полемике по поводу сходства «эпического созерцания» у Гоголя и Гомера указывала также В. С. Аксакова в письме к двоюродной сестре М. Г. Карташевской от 6 сентября 1842 г.: «Получила ли ты Москвитянин и прочла ли ты обе статьи Шевырева о Мер<твых> Душ<ах> (см.: [Шевырев 1842а; 1842б]. — *И. В.*)... <...> Ты увидишь, как Шевырев сам невольно подтверждает ту мысль, что в Гоголе есть какое-то сходство или сродство с Гомером; он приводит на одной странице сравнение из Гомера и сравнение из Гоголя и потом еще сравнение из Данта... (В 1833 г. Шевырев защитил свою знаменитую диссертацию о Данте. — *И. В.*) <...> Несмотря на то, что сам его сравнивает в некотором отношении с Гомером, он ужасно нападает на брошюрку... <...> потому что большею частью всех испугало сближение этих имен вместе, и никто больше ничего уже не рассмотрел» [Гоголь в воспоминаниях 2: 828]. Сходство позиций Шевырева и Константина Аксакова в отношении к поэме Гоголя было замечено и в рядах недоброжелателей аксаковской брошюры. К примеру, А. А. Григорьев четыре года спустя настолько *не* различал особенностей оценки «Мертвых душ» двумя критиками-славянофилами, что даже смешал статьи Шевырева и Константина Аксакова: «...С нетерпением ожидали мы настоящего восточного, неподдельного славянского мнения, того мнения, которое в великой поэме Гоголя понял только Селифана с его словами: “От чего ж мужика и не посечь”, и потом в этой новой Divina Comedia увидело Илиаду» [Григорьев: 23].

Таким образом, у статьи К. С. Аксакова по поводу «Мертвых душ» образовался целый круг противников. Однако сказать, что она подверглась всеобщему осуждению, было бы несправедливо. У аксаковской статьи сложился в то же время не менее значимый ряд авторитетных сторонников: А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, П. А. Плетнев, Н. И. Надеждин, А. О. Смирнова.

По свидетельству самого К. С. Аксакова в письме к Гоголю от начала ноября 1842 г., Хомяков и Самарин поддержали его идею еще при зарождении замысла статьи: «Мне кажется, главная трудность лежит в настоящем уразумении слова: *Поэма*, так по крайней мере, как я его понимаю. Когда стал я говорить о “Мертвых душах”, то нашел соглас-

ным с собой Хомякова и Самарина. “Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный, в наше время, — но это он”, — услышал от меня <Н. Ф.> Павлов и вдруг то же услышал от Хомякова. Я сказал Хомякову, что хотел бы я написать о “Мертвых душах”; он советовал мне то же, и я написал статью “Несколько слов” для “Москвитянина”; туда не была она принята; тогда я напечатал ее брошюрой...» [Гоголь 2009–2010. 12: 155]. (Ранее, 13 февраля 1842 г., В. С. Аксакова в письме к брату Ивану также свидетельствовала, что в публичных спорах о Гоголе Хомяков «соглашается во всем с Константином» [Гоголь в воспоминаниях 2: 816]).

Действительно, 24 июля 1842 г. известный поэт, публицист, историк и богослов А. С. Хомяков писал Константину Аксакову: «Благодарю вас за письмо и за брошюру. Не понимаю трусости Погодина: чего он испугался? Чего пугался цензор? Храбрость была только с вашей стороны и то в смысле литературном, а не политическом. <...> Право, Погодин сам не понимает своих выгод: ему во всяком случае следовало напечатать вашу статью, <...> чтобы публика видела оценку серьезную, бесстрастную (т. е. без личной страсти) и чтобы петербургские журналы видели, что вопрос о Гоголе ими не понят, даже и теми, которые его хвалят. Кстати скажу, что в О<течественных> З<аписках> похвалы относятся более к уму журналиста, чем к гению писателя, и что ровно никакого смысла нет в самом разборе. <...> Вы высказали смело свою мысль: вы указали на достоинство поэмы и на ее народное значение, и вы не побоялись насмешек за фанатическую любовь к Гоголю, или за еще большую любовь к в<елико>-русскому началу» [Хомяков 1900: 344–345].

По поводу содержания брошюры Хомяков высказал лишь ряд частных замечаний: «Я, как вам известно, вполне разделяю с вами мнение о М<ертвых> Душах и об авторе и о том, что в нем заметно воскресение первобытной искренней поэзии; но не прогневайтесь за некоторые критические замечания. Жаль, что вы не назвали нескольких имен великих поэтов, задавших себе большие задачи, но не вполне разрешивших свои задачи. Это пояснило бы мысль вашу, и даже благоговение, с которым вы назвали бы Гёте или Шиллера или Байрона, показало бы, что в вас не пристрастие, а чисто эстетическое чувство. <...> ...Вы совершенно правы, сказав, что М<алая> Россия получила возможность полного выражения, только подчинив себя в<елико>-русскому началу;

но вы не сказали ничего лестного для М<алой> России, а она заслуживает особую похвалу. Она имеет то, чего мы не имеем, да и иметь не будем: большую грацию, большую склонность к объективности, большую художественность. Сравнение В<елико>-России с головою справедливо, но унизительно для других областей. Быть может, ее скорее можно сравнить с высшими органами головы по черепословию. В них низшие органы получают свою общую гармонию; но они не заключают в себе весь смысл головы. Вот вам мои замечания не на ошибки, а на недосказы» [Хомяков 1900: 345–346].

Позднее в письме Шевыреву от второй половины августа 1842 г. Хомяков замечал: «Аксакову досталось от О<течественных> З<аписок>; да они, кажется, уже готовы и от Гоголя отступить. Что за глупый народ! У них на одном ряду Сервантес, Байрон, Жорж Занд и Беранже. Аксаков увлекся далеко, но если он будет продолжать брошюрку свою, то, полагаю, выйдет дельное. Он пояснит то, что без пояснения кажется смешным и нелепым. Мысль его главная следующая: “Искусство утратило везде свою беззаботную свободу; в нем более придуманного, чем созданного. Гоголь (как древние и Шекспир) есть художник поневоле и без намерения”. В этом много правды. О<течественные> З<аписки> говорят: “Тоголь зарожден В. Скоттом; без В. Скотта он был бы невозможен”. Это просто бессмыслица. Ничего общего нет между ними» [Бартенев 1878: 61–62]. 22 декабря 1842 г. В. С. Аксакова сообщила М. Г. Каргашевской по поводу статьи брата: «На днях приехал в Москву Хомяков, он совершенно согласен с брошюлкой и уже спорил за нее» [Гоголь в воспоминаниях 2: 833].

В поддержку Константина Аксакова по поводу его суждения о «воскресении» в «Мертвых душах» «первобытной искренней поэзии» Хомяков выступил еще раз в 1843 г. в погодинском «Москвитянине»: «...Сам великий Гете, — создатель Фауста, гениальный поэт, смешон, когда античествуется и оглядывается: ладно ли? <...> В наш век явился художник гениальный, который и чувства, и мысль, и форму берет только из глубины своей души, из сокровища современной жизни; и в его творении все дышит, все говорит, все движется так живо, так самобытно, как в самой природе. Поймут ли его другие художники слова? Воспользуются ли его примером искусства пластические? Поймут ли и баварцы, что современному немцу нельзя быть ни эллином, ни мавром, ни византийцем?» [Хомяков 1843: 221–222].

В той или иной форме Хомяков повторял и развивал эти размышления о Гоголе и в своих позднейших статьях. В 1844 г. он замечал: «Новая эра не будет уже довольствоваться <...> подражаниями старым формам, этим мертвым торжествам баварского искусства. Она создаст новые живые формы, полные духовного смысла, в живописи и зодчестве, были бы только художники вполне русские и жили бы вполне русской жизнью. Словесность и музыка дали уже великий пример в Гоголе и Глинке. Нет человечески истинного без истинно народного!» [Хомяков 1844: 103].

В 1846 г. Хомяков добавлял: «Наша жизнь не перекипела, и наши духовные силы еще бодры и свежи. Действительно, единственное высокое современное художественное явление (в художестве слова) принадлежит нам. Эту радость подарила нас Малороссия, менее Средней России принявшая в себя наплыв чужеземных начал» [Хомяков 1846: 163].

По сути, в своих замечаниях о поэме Гоголя Хомяков окончательно «примирил» сходные позиции Аксакова и Шевырева. Последний еще в 1842 г., в статье о «Мертвых душах», отмечал: «Пора, пора уже нам от блестящей жизни внешней, которая нас слишком увлекает, возвращаться ко внутреннему бытию, к действительности собственно Русской, как бы ни казалась она ничтожна и отвратительна нам, увлекаемым незаслуженною гордостью чужого просвещения, — и потому каждое значительное произведение Русской Словесности, напоминающее нам о тяжелой существенности нашего внутреннего бытия, <...> может по всем правам иметь достоинство и благородного подвига на пользу Отечества. Русская Словесность никогда не чуждалась этого практического направления, а всегда призывала народ к сознанию своей внутренней жизни, — и Правительство наше (честь и хвала ему) никогда не скрывало от нас таких созданий, если только совершались они талантами истинными, с искренним чувством любви к России и с уверенностью в ее высоком назначении. В пышном веке Екатерины Фон-Визин вывел перед нами семейство Простаковых, и раскрыл одну из глубоких ран тогдашней России в семейном быту и воспитании. В наше время тот же подвиг совершен был Гоголем в Ревизоре, и совершается теперь в другой раз в Мертвых Душах» [Шевырев 1842а: 227–228].

Вслед за Шевыревым (и Хомяковым) мысль о глубокой связи «Мертвых душ» с русской жизнью повторил также в 1845 г. И. В. Киреевский: «До сих пор мы были и находимся еще под влиянием

французов и немцев. Жизнь нашей Словесности оторвана от жизни нашего народа. Но читая Гоголя, мы понимаем возможность их соединения» [Киреевский: 4–5].

Как писал С. Т. Аксаков, в печати в 1842 г. положительно отозвался о брошюре его сына лишь П. А. Плетнев. Впрочем, голос этого поэта и критика, профессора и ректора Петербургского университета, друга Пушкина и Жуковского, был едва ли не весомее целого отряда противников брошюры. В обзоре новых книг, напечатанном в № 4 редактируемого им журнала «Современник» за 1842 г., Плетнев замечал: «В отношении к поэзии и вообще к искусствам, называемым изящными, эта брошюра содержит в себе много новых для нашей публики идей, много мыслей, по-видимому смелых, но тем не менее выведенных из сущности искусств. Мы сожалеем, что автор бросил их слегка, не развивши каждой и не дав им системы. Если бы на своем основании вывел он здание целой науки, мы уверены, что она подействовала бы благотворнее на читателей. Гоголь именно потому и является у нас чем-то загадочным, что наука, объемлющая все стороны искусства его, едва по частям промелькнула перед нами. От того одни смотрят на Гоголя с энтузиазмом, другие хулят его донельзя» [Плетнев: 82]. (Двумя месяцами ранее сам Плетнев отозвался на поэму Гоголя статьей «Чичиков или Мертвые души, Гоголя», вызвавшей живой интерес Гоголя; см. подробнее: [Виноградов 2001с: 523–524].) В. С. Аксакова 22 декабря 1842 г. сообщала М. Г. Карташевской по поводу заметки П. А. Плетнева о брошюре К. С. Аксакова: «В № 4 Современника помещено защищение брошюрки, говорят, ее расхвалили как только можно» [Гоголь в воспоминаниях 2: 833].

В числе безусловных сторонников брошюры был также известный впоследствии критик, публицист и общественный деятель Ю. Ф. Самарин. В сентябре-октябре 1842 г. Самарин писал А. Н. Попову: «Аксаков напечатал о поэме Гоголя брошюру, с которою я вполне согласен, хотя многие в этом случае сомневаются в моей искренности и на которую все восстали...» [Попов Н. А.: 283]. В письме к самому К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г. Ю. Ф. Самарин замечал: «В наше последнее свидание мы говорили о поэме Гоголя и о том, как ее судят и понимают. <...> Я сам после второго чтения начал было писать об ней статью, но прочтя твою брошюрку, я вполне ею удовлетворился и отложил это дело. Мне кажется, ты сказал о “Мертвых ду-

шах” все, что можно и что должно было сказать, представив характер созерцания Гоголя, акта творчества, и устранив вопрос о содержании. В самом деле, о содержании поэмы пока еще говорить нельзя, оттого что мы имеем перед собою только начало» [Гоголь 2009–2010. 12: 226]. К. С. Аксаков в письме к А. Н. Попову от конца октября 1842 г. также сообщал: «Я написал брошюрку о “Мертвых душах” наскоро для журнала, и она не попала в журнал (Шевырев не захотел), и я напечатал отдельно. На меня все напали, за исключением Самарина и Хомякова, со мною согласных...» [Кулешов: 203–204].

На сторону Константина Аксакова в его полемике с Белинским встал также известный критик Н. И. Надеждин, негативно отзывавшись о Белинском. По свидетельству М. Г. Карташевой в письме к В. С. Аксаковой от 13 ноября 1842 г., Надеждин, хотя и говорил, что ему «больно читать» «Мертвые души», «больно за Россию и русских», однако был «ужасно возмущен дерзостью» Белинского в его споре с К. С. Аксаковым [Гоголь в неизданной переписке: 642]. Сам Надеждин осенью 1842 г. сообщал С.Т. Аксакову о своей случайной встрече с Белинским на вечере у И. И. Панаева: «...Встретил Белинского. После гнусной выходки против Константина эта рожа мне опротивела еще более» [Аксаков К. С. 1995: 492].

Позднее неожиданную косвенную поддержку положения брошюры К. С. Аксакова получили в статье французского поэта и критика Ш. О. Сент-Бёва, посвященной публикации во Франции в 1845 г. Л. Виардо перевода на французский язык пяти повестей Гоголя («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий»), сделанного в 1844 г. И. С. Тургеневым и С. А. Геденовым. Напечатанная в № 12 «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров») за 1845 г. статья Ш. О. Сент-Бёва, была перепечатана в переводе в «Отечественных Записках» (1846. № 1) в статье Белинского «Отзывы французских журналов о Гоголе» (статья без подписи). 27 декабря 1845 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевой: «Слышала ли ты, милая Машенька, об статье St. Beuve о Гоголе в “Revue des Deux Mondes”? Мы ее еще не читали, но Иван <И. С. Аксаков> читал ее. Он почти сравнивает Гоголя с Гомером... и... Шекспиром, словом сказать, напоминает брошюрку брата, против которой многие так восставали, а с St. Beuve, вероятно, те же самые согласятся» [Гоголь в воспоминаниях 2: 845].

А. О. Смирнова, «не стовариваясь» с Верой Аксаковой, в январе 1846 г., в свою очередь, сообщала Плетневу: «Читали ли вы коротенькую critique de Ste-Beuve на Гоголя? Он славно разобрал Тараса для француза: полагает, что Гоголь напитан Шекспиром и Гомером...» [Грот, Плетнев: 931]. 14 января 1846 г. она писала самому Гоголю в Рим о «разборе St. Beuve»: «Для француза его статья очень замечательна, так об ней писал мне Аркадий <брат Смирновой, А. О. Россет> и Самарин, так же показалась она и мне. Странно довольно, что он повстречался мыслью с Константином Аксаковым в сближении описаний сражений с гомеровскими описаниями. Теперь замолчит вся болгаринщина, кравещина и проч. <...> Ведь для этих ослов мнения Запада авторитет, и в глазах Петербурга вы уже замечательное лицо...» [Гоголь 2009–2010. 13: 266–267].

Важно отметить и то, что, несмотря на недоразумения и «град ругательств, злобных насмешек и всякого рода оскорблений» [Гоголь в воспоминаниях 2: 719] в адрес Константина Аксакова по поводу его брошюры, высказанное в ней представление об исключительной самобытности гоголевского творчества разделяло большинство современников Гоголя.

К. А. Фарнгаген фон Энзе в 1841 г. писал, что Гоголь — писатель «гениальный, глубоко самобытный, <...> не сравнимый ни с каким образцом, не заслоненный никаким последователем» [Ботникова: 112].

И. В. Киреевский в 1845 г. указывал: «После появления Мертвых душ Гоголя много говорено было за них и против них <...> между тем от восторженных похвал и страстных порицаний осталось, кажется, одно общее убеждение, что Гоголь в словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сих пор в ясном виде еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могут произвести совершенный переворот в нашей Литературе, и которую называют *силою Русской народности*» [Киреевский: 4–5].

Плетнев 21 ноября 1846 г. писал С. П. Шевыреву: «По совету вашему я непременно займусь новым периодом рус<ской> лит<ературы>. Но признаюсь, немного нахожу такого, что сообщило бы труду цену общечеловеческую. Все наше великое поднялось на каком-нибудь пьедестале иностранном. Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский и Пушкин — это вся наша слава. Но поставьте подле них Клопштока, Гердера, Лафонтена, Шиллера и Байрона: на нашу долю остается небольшая часть творчества. Ежели Бог сохранит Гоголя и даст ему силы

вполне высказаться: вот где будет начало самобытной русской литературы. Мы еще не дотронулись до своей земли и жизни. Мы ученики, не вышедшие из школы. А литература должна отразить верно и жизнь, и язык, и место действия, и веру, и нравы, и законы, и правительство. О, это чудный предмет, когда его вообразишь ясно и полно!» [Н. В. Гоголь. Материалы и исследования: 172].

Примечательно также мнение графа В. А. Соллогуба, высказанное им в 1865 г. в публичном заседании московского Общества Любителей Российской Словесности: «Пушкин был великим художником, Гоголь гением. Пушкин все подчинял условиям пластики, эстетики, искусства: Гоголь ни к чему не готовился, не следовал никаким правилам, никаким образцам, не знал ни грамматики, ни правописания. Он был самобытен, самороден, и часто грешил против эстетического вкуса. Он обогатил русскую словесность своей личностью, своими произведениями...» [Соллогуб: 745–746].

По-своему о самобытности гоголевского творчества отзывался одноклассник Гоголя В. И. Любич-Романович. Говоря о литературных подражаниях учащихся Нежинской гимназии произведениям Пушкина, он писал: «Но Гоголь никаких примеров не выносил, не умел их ставить себе на вид; он был самобытен, бесподражателен, оригинален по-своему. Черта эта в нем нами не одобрялась, потому что мы в то время переживали эпоху подражания какому-либо из прославившихся своими литературными произведениями поэтов и ставили себя в зависимость от его влияний на нас. <...> ...Мы, простые смертные <...> не находили в Гоголе никаких заслуг перед обществом и смотрели на его литературные труды с презрением... <...> ... Среди нас, современников Гоголя, трудно было отыскать человека, хотя бы сколько-нибудь симпатизировавшего “Мертвым Душам” или “Ревизору”, и тем более еще “Кузнецу Вакуле”, ибо мы в то время смотрели на литературу как на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то Коробочками, Ноздревыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало нас от него» [Глебов: 548–560].

Даже Белинский, несмотря на полемику с Аксаковым по поводу его статьи, до конца разделял подчеркнутое тем ощущение редкого своеобразия творчества Гоголя. В 1847 г., в «Ответе “Москвитянину”», критик писал: «...Гоголю не было образца, не было предшественников ни в русской, ни в иностранных литературах» [Белинский 8: 350].

4. Отзывы Гоголя о брошюре Аксакова: ошибка комментаторов

В исследовательской литературе сложилось мнение, будто сам Гоголь неодобрительно воспринял брошюру К. С. Аксакова. Это мнение, как позволяет судить переписка Гоголя с Аксаковыми, отчасти основано на случайном недоразумении. Отзыв Гоголя, несмотря на упреки в «незрелости», был в целом положительным. На предположение Аксакова-отца, что Гоголь может «досадовать за брошюрку Константина» (письмо С. Т. Аксакова к Гоголю от 6–8 февраля 1843 г. [Гоголь 2009–2010. 12: 184]), писатель 18 марта (н. ст.) 1843 г. отвечал: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем. И вообще, чем глубже мысль, тем она может быть девственной самой мелкой мысли» [Гоголь 2009–2010. 12: 197].

Строки эти являются единственным известным нам откликом Гоголя на брошюру К. С. Аксакова, если не считать предупреждения, высказанного Гоголем еще до знакомства с аксаковской статьей в письме к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г. [Гоголь 2009–2010. 12: 109], а также позднейшего гоголевского замечания в послании к нему же от 21 декабря (н. ст.) 1844 г. [Гоголь 2009–2010. 12: 546].

В 1842 г. Гоголь писал: «Я был уверен, что Кон<стантин> Сер<геевич> глубже и прежде поймет, и уверен, что критика его точно определит значение поэмы. Но, с другой стороны, чувствую заочно, что Погодин был отчасти прав, не поместив ее, несмотря на несправедливость этого дела. Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь. Молодой человек может встретить слишком сильную оппозицию в старых. Уже вопрос: почему многие не могут понять “Мертвых душ” с первого раза? — оскорбит многих. Мой совет — напечатать ее зимою, после двух или трех других критик. Недурно также рассмотреть, не слышится ли явно: *Я первый понял*. Этого слова не любят, и вообще лучше, чтобы не слышалось большого преимущества на стороне прежде понявших. Люди не понимают, что в этом нет никакого греха, что

это может случиться с самым глубоко образованным человеком, как случается всякому, в минуты хлопот и мыслей о другом, прослушать замечательное слово. Лучше всего, если бы Кон<стантин> Сер<геевич> прислал эту критику мне в Рим, переписавши ее на тоненькой бумажке для удобного вложения в письмо. Я слишком любопытен читать ее» [Гоголь 2009–2010. 12: 109].

В письме к С. Т. Аксакову 1844 г. Гоголь также добавлял, что К. С. Аксаков «опозорился в глазах света <...> написавши статью о “Мертвых душах”» [Гоголь 2009–2010. 12: 546].

Основанием для закрепившегося в литературе мнения о неодобрительном отношении Гоголя к брошюре Константина Аксакова служит главным образом ошибка, допущенная в свое время С. Т. Аксаковым при комментировании в его «Истории нашего знакомства с Гоголем...» письма Гоголя к К. С. Аксакову от 24 мая (н. ст.) 1843 г. Вследствие неочевидности допущенной С. Т. Аксаковым ошибки, этот эпизод требует более обстоятельного рассмотрения.

К. С. Аксаков при письме к Гоголю от начала ноября 1842 г. послал ему в Рим две свои статьи о «Мертвых душах» — «Несколько слов о поэме Гоголя...» и «Объяснение» (отдельный оттиск из журнала «Москвитянин»). Кроме того, в то же послание к Гоголю Аксаков вложил копию письма к нему Самарина от второй половины октября 1842 г., посвященного «Мертвым душам». (Сам К. С. Аксаков, в ответ на упомянутую просьбу Гоголя в письме от 18 августа (н. ст.) 1842 г., в послании от начала ноября сообщал: «Посылаю вам и брошюрку и мое возражение» [Гоголь 2009–2010. 12: 155], но В. С. Аксакова в письме М. Г. Карташевской от 18 ноября 1842 г. добавляла, что было отправлено и «письмо Самарина»: «Разумеется, все статьи невозможно сообщить, но брошюрка <К. С. Аксакова> и письмо Самарина уже посланы в Рим» [Гоголь в воспоминаниях 2: 832].) Но получив тогда письмо К. С. Аксакова, Гоголь, согласно строкам его следующего письма к Константину Аксакову, около 29 ноября (н. ст.) 1842 г., писал, что «статью <...> или критику» [Гоголь 2009–2010. 12: 157] он не получил (очевидно, не было получено и письмо Ю. Ф. Самарина). Тем не менее, в письме к С. Т. Аксакову от 18 марта (н. ст.) 1843 г. Гоголь отзывался о брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» как о прочитанной: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замеча-

тельная вещь» и т. д. (см. выше) [Гоголь 2009–2010. 12: 197]. (Вероятно, статья была получена Гоголем из другого источника.) Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 7 апреля (н. ст.) 1843 г., Гоголь спрашивал о своих письмах к О. Сем. Аксаковой и К. С. Аксакову около 29 ноября 1842 г.: «Получили ли они эти письма и отчего никто из них не отвечал ниже двумя строчками» [Гоголь 2009–2010. 12: 206]. Вероятно, в ответ на это послание К. С. Аксаков в апреле 1843 г. вновь послал Гоголю *вторую* из своих статей — «Объяснение» (так как из упомянутого письма Гоголя от 18 марта (н. ст.) 1843 г. с очевидностью явствовало, что первую тот уже прочел). При этом Константин Аксаков вновь сопроводил свое «Объяснение» письмом о «Мертвых душах» Самарина. 24 мая (н. ст.) 1843 г. Гоголь отвечал К. С. Аксакову: «Простите, что я вас не благодарил до сих пор за присылку ваших статей о “М<ертвых> д<ушах>”. И та и другая имеют свои достоинства (писанная, как мне кажется, должна принадлежать Самарину), но в печатной, не прогневайтесь — видно много непростительной юности, и написанная кажется перед нею написанною стариком, хотя в ней и нет тех двух–трех истинно поэтических мыслей, как в вашей» [Гоголь 2009–2010. 12: 239]¹.

Очевидно, что последний отзыв относился только к статье К. С. Аксакова «Объяснение», но отнюдь не к прочитанной ранее статье «Несколько слов о поэме Гоголя...» — вопреки мнению на этот счет, высказанному С. Т. Аксаковым [Гоголь в воспоминаниях 2: 747] и поддержанному затем В. И. Шенроком [Шенрок: 109–110] и последующими исследователями [Фридлендер: 627; Кошелев 1976: 87; Попов В. П.: 50].

С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...», комментируя приведенный критический отзыв Гоголя об «Объяснении» К. С. Аксакова (в письме к последнему от 24 мая (н. ст.) 1843 г.), ошибочно предположил, что этот отзыв относится к «печатной брошюрке Константина», т. е. к статье «Несколько слов о поэме Гоголя...». С. Т. Аксаков замечал: «Вместе с *печатной брошюркой Константина* была послана рукописная статья Самарина...» [Гоголь в воспоминаниях 2: 747] (курсив наш. — *И. В.*). Несмотря на допущенную ошибку, тот же С. Т. Аксаков тем не менее не без оснований полагал, что «недовольство» Гоголя брошюрой К. С. Аксакова было вызвано не содер-

---

¹ Прочитав эти строки, К. С. Аксаков писал Ю. Ф. Самарину: «Слова Гоголя породили во мне некоторую недоверчивость, которая и без того, вероятно, возбудилась бы» [Кошелев 1976: 87].

жанием, а несвоевременностью ее появления в печати. С. Т. Аксаков вспоминал: «Гоголь также остался недоволен появлением брошюры Константина, осуждая не столько ее смысл, как то, что она появилась не вовремя, в минуту общего недоуменья, поражения, так сказать, произведенного “Мертвыми Душами”, когда большинство публики, оскорбленное, раздраженное восторгами поклонников Гоголя, не знало, что [ему] делать: хвалить или бранить? Первого не хотелось делать, на второе не смели вдруг решиться. Брошюра Конст<ант>ина как будто развязала им язык, и скрываемая многими злоба на Гоголя излилась сначала на сочинителя брошюры, а потом и на творца поэмы. В этом отношении Гоголь был совершенно прав. Брошюра наделала ему много зла. Нашелся, однако, один добросовестный человек, П. А. Плетнев, который, в издаваемом им журнале “Современник”, отозвался с большою похвалою и уважением о статье Константина» [Гоголь в воспоминаниях 2: 720].

5. Культурно-исторический контекст полемики о «Мертвых душах»: предыстория спора Аксакова и Белинского

Тем не менее, несмотря на допущенную С. Т. Аксаковым ошибку, по-видимому, не только преждевременность появления брошюры К. С. Аксакова была причиной сдержанного отношения к ней Гоголя. Хотя позиции Гоголя и Константина Аксакова в главном совпадали, существовали и определенные различия в их взглядах на существо поэмы.

Сам по себе вопрос о преждевременности выступления К. С. Аксакова имел для Гоголя принципиальное значение. Дело в том, что спор Аксакова с Белинским о «Мертвых душах» не ограничивался значением одной лишь гоголевской поэмы или даже определением места Гоголя в мировой литературе¹. Вопрос стоял гораздо шире. Речь шла

---

¹ Ср.: «В центре спора — соотношение Гоголя с другими великими писателями. Спор продолжал проблему, поставленную в московском кружке (прежде всего К. С. Аксаковым и Белинским), — о мировом значении и достоинстве гоголевского творчества» [Манн: 178]. Сводить содержание полемики лишь к вопросу «рейтинга» представляется существенным сужением проблематики спора, даже если «для философской критики, традиции которой питали Белинского, это была часть историко-фило-

о роли культурной традиции в современном обществе вообще, в виду усиливающихся нигилистических тенденций западничества. Именно стремлением пресечь попытку западников вписать гоголевскую поэму в иную, нигилистическую «традицию» и объясняется прежде всего появление аксаковской брошюры¹. В этом убеждает то общее направление деятельности К. С. Аксакова, в контексте которой спор об эпическом начале в «Мертвых душах» является лишь отдельным «эпизодом», составным звеном.

софской системы» (речь идет стремлении Белинского поставить Гоголя в один ряд с «смертельными врагами мракобесия, невежества, феодальных институтов и представлений») [Манн: 178–180].

¹ Под нигилистической «традицией» подразумевается та традиция «отрицания», которой следовал в оценке мировой классики Белинский и которую после него столь же последовательно выстраивали (подчас из весьма посредственных имен) в русском и мировом наследии советские идеологи, пытаясь оправдать свой разрушительный нигилизм по отношению к традиционной русской культуре в целом. Пытаясь обосновать свою нигилистическую «традицию», ища в истории авторитетов для подкрепления своей разрушительной идеологии, марксистские историки литературы, вслед за Белинским, закономерно стремились поставить на службу своим интересам творчество Гоголя. При этом идея воскрешения «мертвых душ», обращенная в гоголевских произведениях к каждому человеку лично, религиозный призыв к очищению нравов, восстановления «узаконенного порядка» и «невидимая брань» с мистически реальным злом, превращалась под пером нигилистической критики в прямую проповедь уничтожения и человеконенавистничества. Рассмотрение «Ревизора» и «Мертвых душ» как сатиры на русскую действительность преследовало цель представить героев гоголевских произведений в качестве «типичных» представителей тех лиц, которые «годны» были лишь к тому, чтобы ставить их к стенке, — а то, что утверждалось в сфере идеологии, получало, как известно, самое широкое применение на практике. Попытка же самого Гоголя, в автокомментариях к его произведениям, остановить нигилистическое, несовместимое с подлинной культурой, «употребление» его наследия выдавалось, вопреки здравому смыслу, за умаление их «общественного звучания». (Такую же судьбу в руках распространителей противообщественных учений разделили в XIX–XX вв., вместе с гоголевскими произведениями, многие явления отечественной культуры, не исключая текстов Священного Писания. В этой связи Гоголь в неотправленном письме к Белинскому 1847 г. прямо упоминал о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, [объясняющих, что Христос по]велел отнимать имущества и гра<бить> тех, [которые нажили себе состояние]» [Гоголь 2009–2010. 14: 388].)

Хотя размышления о поэме Гоголя послужили поводом для первой публичной полемики Аксакова и Белинского, однако их первая размолвка случилась ранее — и не по поводу «Мертвых душ». Из письма В. С. Аксаковой к брату от 26 ноября 1839 г. известно, что накануне этого дня, 25 ноября, В. Г. Белинский и И. И. Панаев занесли С. Т. Аксакову свои письма К. С. Аксакову [Белинский в неизданной переписке: 135]. Письма эти не сохранились. Однако известно, что письмом Белинского К. С. Аксаков был крайне оскорблен. В ответном послании, отправленном в начале 1840 г., он замечал: «Я давно уж получил письмо твое, Виссарион, но не отвечал на него до сих пор. Ты нападаешь на Русских, на народность их, и между тем, в письме твоем, ты являешься Русским по преимуществу (по твоему определению Русского человека) в отношении к воню. Оно конечно, запах силен, но все мне гадко оставаться в нужнике: таково письмо твое» [Коншина: 205].

Позднее брат Константина Аксакова, И. С. Аксаков, публикуя ряд писем Белинского, сообщал: «Сколько помнится из рассказов К<онстантина> С<ергееви>ча (пишущий эти строки с 1838 по 1842 г. не жил в Москве, а воспитывался в Петербурге), было еще письмо Белинского, преисполненное самых грубых, неистовых, цинических ругательств на Россию и русского человека и самоуверенной похвалы, что в этом его новом отношении к русской народности заключался “новый момент развития”, высшая точка зрения, истинное разумение действительности. С свойственным ему остервенением искренности, Белинский мял и топтал беспощадно то, чему еще недавно сам поклонялся, глумился над Москвою и над новым направлением, которое уже возникало и созревало в К<онстантине> С<ергееви>че» [Аксаков И. С. 1881: 15].

(Судя по всему, «грязное и не эстетическое», «преисполненное» нападок «на Россию и русского человека» письмо Белинского 1839 г., оскорбившее Константина Аксакова, явилось определенным предвестием позднейшего, столь же оскорбительного письма Белинского к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» 1847 г.)

Спустя год, в начале 1841 г., К. С. Аксаков писал отцу: «Я не читал статьи Белинского о Ломоносове¹, потому что не получил

---

¹ Незадолго перед тем В. С. Аксакова сообщала родителям, С. Т. и О. Сем. Аксаковым: «Что это написано о Ломоносове в “Отеч<ественных> зап<исках>»? Константин, вероятно, взбесится на это?..» [Гоголь в воспо-

“О<течественных> Записок” этого номера. Я воображаю, что наврано о Ломоносове; на это точно надо отвечать диссертацией <...> предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался...» [Белинский в неизданной переписке: 145]. В этом письме К. С. Аксаков как бы заранее обозначил и свой будущий спор с Белинским по поводу «Мертвых душ», и позднейший «ответ» Белинскому по поводу М. В. Ломоносова — свою магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», напечатанную в 1846 г., но вчерне законченную еще в 1839-м. В обоих этих «ответах» западничеству речь шла именно о защите культурной традиции. И хотя полемика Аксакова с Белинским о Ломоносове оказалась не вполне последовательной, «половинчатой» (главным образом потому, что Аксаков разделял негативное отношение Белинского по отношению к «одической» литературе XVIII в. [Виноградов 2019а]), однако не случайно, в диссертации, посвященной ломоносовскому наследию, непосредственно оказываются строки, как бы продолжающие полемику Аксакова с Белинским по поводу гоголевской поэмы. Впервые на это указал брат Константина Аксакова Иван. К сожалению, исследователи до настоящего времени не обращали должного внимания на это указание. 1 декабря 1845 г. И. С. Аксаков сообщал отцу из Калуги: «Каждый вечер провожу я у А. О. Смирновой... <...> Я объяснял ей

минаниях 2: 811]. Можно предположить, что В. С. Аксакова имела в виду напечатанную в № 11 «Отечественных Записок» за 1840 г. (цензурное разрешение 14 ноября) рецензию В. Г. Белинского на трехтомное собрание сочинений М. В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1840 г. В рецензии Белинский заявлял, что «в трудах и жизни Ломоносова гораздо больше поэзии, чем в его вдохновениях, принявших на себя форму тяжелых стихов», и утверждал, что Ломоносов «не нужен публике» [Белинский. Т. 3: 445–446]. Однако вероятнее, что письмо к родителям В. С. Аксакова написала после получения из Петербурга послания ее двоюродной сестры М. Г. Каргашевской от начала 1841 г., в котором та сообщила: «Сегодня Гришенька <Г. С. Аксаков> принес мне 1 № “Отечественных Записок”... <...> В этой же книге есть опять критика Б<елинского>, и, пробежав листы, я видела имя Ломоносова. Теперь мне досадны его глупые слова» [Гоголь в воспоминаниях 2: 811]. Под «глупыми словами» Каргашевская, вероятно, подразумевала следующую фразу Белинского о Ломоносове в статье «Русская литература в 1840 году»: «Что же до его прозы — трудно решить, больше вреда, или больше пользы оказал он русскому языку, заковав его в чуждое ему построение латинских и немецких периодов» [Белинский 3: 445–446].

и содержание Костиной брошюрки, толковал ей ту чудесную вещь, которая находится в третьей части его диссертации о воззрении на мир древнего человека¹, о Гомере, о значении юмора в наше время...» [Аксаков И. С. 1888а: 302, 304; Аксаков И. С. 1988: 228–230].

Не случайно и то, что в защите К. С. Аксаковым культурных традиций, в противовес западническому нигилизму, в одном ряду оказываются не только его размышления о Ломоносове и о поэме Гоголя, но и... небезызвестный факт ношения К. С. Аксаковым русского кафтана и бороды. Во всяком случае, определено в одном ряду рассма-

---

¹ Имеются в виду следующие строки из третьей, заключительной части диссертации К. С. Аксакова, которые могут служить комментарием к словам его статьи 1842 г., что «эпическое созерцание Гоголя — древнее, истинное, то же, какое и у Гомера». В диссертации Аксаков писал: «Первобытное созерцание и первобытное слово таково, что оно видит и наполняется совершенно созерцаемым предметом... <...> Но слово не осталось и не могло остаться в таком положении; человек имеет свой путь, свои заботы, свою частную жизнь, свою частную природу и свои новые требования, перешагивающие за границы природы... <...> Слово последовало с ним; оно стало выражением его нужд, стало выражением его человеческой жизни, стало ему орудием, — и возмutilась его созерцательная ясность, побледнели его краски, стал отвлеченным его образ. <...> Поэзия сама уже не может быть та, что была прежде; содержание ее, также и жизнь переменились; она отрывает от случайности эту жизнь; перед ней падает в прах все мелкое, все корыстное и низкое, — и то высокое стремление, которое несется в жизни, с одной стороны, — та скорбь и горькая насмешка, юмор, с другой, — одушевляют ее. Этой жизни служит слово; и поэзия, отрывая жизнь от случайности, при этом новом состоянии жизни человеческой, себе преданной, не удовлетворяясь созерцанием жизни: — с одной стороны, отрывает ее благородное внутреннее стремление, с другой, противопоставляя ей, ее образу, более или менее человеческий юмор, — поэзия отрывает от случайности и самое слово; тогда как прежде слово само было оторвание от случайности и было уже потому изящно; в поэзии является эта вечно прекрасная и великая область, великое благородное наслаждение, деятельность человека, освобождающая человека от случайности и дрязга жизни, дающая мир его душе, дающая простое, человеческое наслаждение. <...> В поэзии вновь является изящным слово, вновь во всем благородстве предстает оно, и, не имеющее уже созерцательного характера, как прежде, оно своею же силою, как слово, выражает, осуществляет внутреннее духа человеческого, содержание поэзии, какой бы ни было» [Аксаков К. С. 1846а: 402–403, 406–407] (экземпляр РГБ с шифром: S 23/46, с дарственной надписью: «Федору Васильевичу / Чижову / от [Акса<кова>] Сочинителя»).

тривал эти выступления К. С. Аксакова против западного влияния сам Гоголь.

Как уже отмечалось, в обоих отзывах о брошюре К. С. Аксакова (и в том, что написан до знакомства с ней, и в том, что высказан после прочтения) Гоголь так или иначе говорит о преждевременности ее появления: «Я думаю просто, что ей рано быть напечатанной теперь» [Гоголь 2009–2010. 12: 109]; «...горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок...» [Гоголь 2009–2010. 12: 197]. Есть в обоих отзывах Гоголя и признание правоты К. С. Аксакова: «...Уверен, что Кон<стантин> Сер<геевич> глубже и прежде поймет, и <...> критика его точно определит значение поэмы» [Гоголь 2009–2010. 12: 109]; «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь» [Гоголь 2009–2010. 12: 197].

Но так же точно оценивает позднее Гоголь и ношение К. С. Аксаковым русской национальной одежды и запрещенной Императором бороды. В отношении к этой форме защиты К. С. Аксаковым традиционных ценностей Гоголь также указывает одновременно и на правоту К. С. Аксакова, т. е. на ценность самой традиции, и на преждевременность ее возрождения Аксаковым. 25 ноября (н. ст.) 1845 г. Гоголь писал К. С. Аксакову: «Ко мне дошли слухи, что вы <...> носите бороду, русский кафтан и проч. <...> Я слишком понимаю, в каком значении вы носите это, и дай Бог побольше Государю таких истинно русских душ и таких верных подданных, каковы вы <...> но знаю, что до времени от многого следует воздержаться... <...> Царь — глава <...> А что он медлит, на то он имеет законные причины, и мы должны терпеливо дожидаться»¹.

---

¹ Позднее, 16 мая 1849 г., И. С. Аксаков сообщал А. О. Смирновой: «...Брата Константина и батюшку (который, как человек большой, неслужащий и старый, а главное — решительно никуда не выезжающий, отпустил также себе бороду, большую, длинную, седую бороду) обязали подпискою: “чтобы имеющуюся у себя бороду сбрить и впредь не отпускать, согласно Высочайшей воле”. Делать нечего, Высочайшая воля о бородах была исполнена, и Константин уже переоделся в немецкое платье» [Бартенев 1895: 431–432]. Вследствие активного западного влияния отношение к бороде и понимание ее значения (знак мужества) оставляло в тогдашнем светском образованном обществе желать лучшего. В официальных кругах в бороде видели даже подражание «жидам» и «французским модам». 2 апреля 1837 г. был издан специальный указ «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду», где говорилось:

Добавим, что подобно тому, как К. С. Аксаков защищал творчество Ломоносова от нападок Белинского, точно так же в 1842 г. по поводу сходных суждений критика о поэзии Г. Р. Державина критически отозвался о Белинском Гоголь. В 1841–1842 гг., будучи в Москве, он составил обширный рукописный сборник «Сочинения Ломоносова и Державина», материалами которого пользовался позднее за границей при создании незавершенной «Учебной книги словесности для русского юношества» (1845), а также статей о русской поэзии в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Незадолго перед тем как Гоголь приступил к составлению этого сборника (или уже составлял его), Белинский в статье «Русская литература в 1841 году», опубликованной в первом номере «Отечественных Записок» за 1842 год, писал о Державине: «Державин поздно ощутил свою силу, а ощутив, обнаружил ее в исполинских и бесплодных проявлениях... <...> Это только имя — не больше; поэт, а не поэзия... <...> поэзия Державина <...> чужда всякого содержания» [Белинский 4: 283–284]. Прочитав тогда статью Белинского, Гоголь отметил в этих «прогрессивных» высказываниях «неуважение к Державину». В. П. Боткин сообщил об этом отзыве самому Белинскому, на что тот 31 марта 1842 г. в свойственной ему манере отвечал: «Неуважение к Державину возмутило мою душу чувством болезненного отвращения к Гоголю...» [Белинский 9: 499]. В конце жизни Гоголь даже настоял на том, чтобы о своем знакомстве с Державиным рассказал С. Т. Аксаков¹.

Однако, как и в случае с брошюрой, Гоголь, несмотря на близость своих взглядов на творчество Ломоносова и Державина с оценками

«...Государь Император, сверх доходящих до Его Величества из разных мест сведений, Сам изволил заметить, что многие гражданские чиновники, в особенности вне столицы, дозволяют себе носить усы и не брить бороды по образу жидов, или подражая Французским модам. Его Императорское Величество изволит находить сие совершенно неприличным...» [Полн. собр. законов: 206]. Ср. также реплику Императора, обращенную к князю А. С. Долгорукому в октябре 1834 г.: «Здравствуй, Долгорукий! Что ты, просишься в евреи, что это за безобразная борода, прошу ее обрить, чтобы завтра не было!» [Император Николай Первый: 210].

¹ Свой очерк «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков закончил уже после смерти Гоголя — в мае 1852 г. (опубл. в 1856). Однако еще в 1849 г., в письме сыну Ивану от 5 октября, он сообщал: «...Напишу о знакомстве своем с Державиным, что я обещал Гоголю» [Гоголь в неизданной переписке: 720].

К. С. Аксакова, диссертацию последнего о Ломоносове не поддержал. В письме к С. П. Шевыреву от 20–25 ноября (н. ст.) 1845 г. он только заметил: «Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, советовал ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатав из нее одни только отрывки, как отдельные статьи». Дело опять-таки, заключалось, очевидно, не столько в сути аксаковской концепции, сколько, по Гоголю, в незрелости, или «ребячестве» К. С. Аксакова, выразившейся, в частности, в крайне схоластическом стиле работы¹, также заслужившем порицания писателя. Кроме того, Гоголю, вероятно, были известны и те «задние мысли» — критические по отношению к Ломоносову, с которыми Константин Аксаков писал свою диссертацию и которые в нее не вошли².

Сходные упреки Гоголь адресовал в те же годы К. С. Аксакову и по поводу поднятого тем вопроса о значении Москвы (см., в частности: [Аксаков К. С. 1845; 1846а; 44–46, 57–59; 1846б]. 29 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал ему: «Я не прощу вам того, что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. <...> Всякую мысль, повторяя ее двадцать раз, можно сделать пошлою. Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога

¹ Ср.: «Отрицание само есть вместе и подтверждение; вспомним, что мы ничего не видим, кроме отрицания; в таком случае отрицая вещь, мы ее признаем, и становим моментом самое отрицание» [Аксаков К. С. 1846а: 18].

² В своих позднейших статьях Аксаков так характеризовал весь тот период русской литературы, начало которому положил Ломоносов: «Отвлеченный стихотворный период, начавшийся <...> с Ломоносова, давший много прекрасных, хотя отвлеченных, ненародных созданий и продолжавшийся до сих пор... <...> Бог с ним, с этими временем <...> отвлеченной и заемной умственной деятельности... <...> неискренней, чуждой родной почве поэзии...» [Аксаков К. С. 1857: 14]. «Ломоносов <...>, Карамзин и другие изображали русскую историю так, что в ней русско-го собственно ничего не было видно» [Аксаков К. С. 1852: 52]. В самой диссертации Аксаков замечал, что после Ломоносова в русском языке «образовался односторонний, тяжелый слог, удалявший простую форму фразы»: «Это противоречило совершенно существу Русского языка... <...> Сумароков, Державин, Херасков и др., все имеют этот общий характер... <...> ...Этот отвлеченный, односторонний слог <...>, противоречивший существу Русского языка, стал тяготеть над Русским словом. <...> Направление это было ложно...» [Аксаков К. С. 1846а: 385–386].

твоего все?» (Исх. 20, 7) [Гоголь 2009–2010. 12: 157]. Спустя три года Ю. Ф. Самарин писал К. С. Аксакову и А. С. Хомякову: «Мысль о современном значении Москвы, пущенная в ход Аксаковым, встретила между нами и даже в более широком кругу сочувствие и одобрение... <...> В то время уезжал Гоголь. Ты помнишь, Аксаков, то письмо, которое он написал тебе? <...> Гоголь предчувствовал то, что теперь сбылось. Толки о Москве продолжались три года; вражда к Петербургу усилилась... <...> Между тем, в продолжении этого времени Москва не явила ни одного плода своей умственной деятельности; таким образом она стала известна <...> России только с одной, чисто отрицательной стороны» [Самарин: 149–150].

Едва ли не Константина Аксакова имел в виду Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями», замечая здесь, в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», о преждевременности некоторых славянофильских начинаний: «Многие у нас уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: “Смотрите, немцы: мы лучше вас!” Это хвастовство — губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну. Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похващаешь. А у нас, еще не сделавши дела, им хвастаются! Хвастаются будущим! <...> Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе “Мертвых душ”, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен» [Гоголь 2009–2010. 6: 86–87].

Тот же упрек в «незрелости» звучит в «Выбранных местах...» Гоголя и в статье «О том, что такое слово», обращенной в большей степени к М. П. Погодину, но, безусловно, затрагивающей и К. С. Аксакова: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними; иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели Бога, державшие произносить имя Его неосвященными устами» [Гоголь 2009–2010. 6: 21].

С другой стороны, несомненной поддержкой славянофильства (но, опять-таки, с намеком на незрелость и преждевременность) выступает в статье «О лиризме наших поэтов» возражение Гоголя В. А. Жуковскому по поводу отзыва последнего о поэмах И. С. Аксакова «Жизнь чиновника» (1843) и «Зимняя дорога» (1845) [Виноградов 2018а: 258–260]: «Тебе напрасно кажется, что нынешняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущем России, следует какому-то модному поветрию. Они не умеют вынашивать в голове мыслей, торопятся их объявлять миру, не замечая того, что их мысли еще глупые ребенки, вот и все. И в еврейском народе четыреста пророков пророчествовали вдруг¹: из них один только бывал избранник Божий, которого сказанья вносились в святую книгу еврейского народа; все же прочие, вероятно, наговаривали много лишнего, но тем не менее они слышали неясно и темно то же самое, что избранники умели сказать здраво и ясно; иначе народ побил бы их камнями. Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поветрием и не пророчествуют о себе, а пророчествует только одна Россия? — Затем, что сильнее других слышит Божью руку на всем, что ни сбывается в ней, и чует приближенье иного Царствия» [Гоголь 2009–2010. 6: 40–41].

6. Пафос утверждения: авторское определение жанра «Мертвых душ» и формирование замысла статьи Аксакова

Определенные разногласия между Гоголем и К. С. Аксаковым на почве общих коренных убеждений можно усмотреть и по поводу идей, непосредственно высказанных в аксаковской брошюре. По наблюдению В. А. Кошелева, пояснением к брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя...» могут служить строки одного из вариантов его поздней статьи «Обозрение современной литературы», относящегося к концу 1840-х гг. и озаглавленного «О современном стихотворстве в нашей литературе». Здесь К. С. Аксаков рассуждает об отличии гоме-

---

¹ См. в Третьей книге Царств (гл. 22). Возможно также, что Гоголь подразумевает слова св. пророка Амоса: «Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам. Лев начал рычать, — кто не содрогнется? Господь Бог сказал, — кто не будет пророчествовать?» (гл. 3, ст. 7–8).

ровского отображения мира от «акта создания» позднейших художников, полагая, что в современном романе, «воспевающем» жизнь современных людей, возврат к древнеэпической системе воспроизведения мира невозможен. На этот раз Аксаков «противопоставляет “личное” начало современной “не комической” литературы сатире, ведущей свою генеалогию из древности»: «Другое значение имеет у нас комедия и вообще вся комическая сторона литературы; деятельность ее несравненно выше; в ней есть действительный смысл; так и должно быть при ложном положении всего общества; в ней — обличение лжи отвлеченной общественной жизни, и потому наша комическая поэзия имеет в себе много трагического. И в нашей литературе восторг часто смешон, а смех серьезен. Этот серьезный, трагический смех слышится в Фонвизине, в Капнисте, в Грибоедове, в Гоголе. — Общественная ложь — вот предмет русской комедии. Грибоедов сверх того имеет особенный, ему принадлежащий характер сознательного и прямого, горячего обличения лжи» [Кошелев 1976: 89–90]. В. А. Кошелев ставит эти размышления Константина Аксакова в один ряд с упоминанием в его «Проектах литературных занятий» начала 1850-х гг. статьи о Гомере, — «причем в интересном контексте»: «Очерк истории нашей литературы. Гомер. “Горе от ума”» [Кошелев 1976: 89].

В. А. Кошелев полагает, что эстетическая концепция К. С. Аксакова, включая представления о «трагическом смехе», пребывала неизменной уже с начала 1840-х гг. Думается, однако, что если Константин Аксаков, по словам исследователя, и «выделил как совершенно особую и единственную имеющую в современной литературе “поэтическое значение” “комическую сторону литературы”», полагая, что «только в сатире “человеческое начало” представляется ему естественным, ибо оно отражает “ложное положение” всего общества» [Кошелев 1976: 90], то сделал это Аксаков, как нам представляется, немного позднее. Думается, что к осмыслению проблемы «трагического смеха», или смеха сквозь слезы, проблемы «комедии-трагедии» подтолкнул позднее Аксакова сам Гоголь, поскольку ни в статье «Несколько слов о поэме Гоголя...», ни в «Объяснении» мы подобных размышлений не находим. Напротив, при анализе образа Манилова, Аксаков, к примеру, утверждает, что «без всякой досады, без всякого смеха, даже с участием, смотришь, как он стоит на крыльце, куря свою трубку» [Аксаков К. С. 1842а: 14], — то есть ни о каком «трагизме» в комическом изображении этой, по Го-

голю, «мертвой души» у Аксакова речь не идет. Строки из «Объяснения», в свою очередь, свидетельствуют, что Аксаков усматривал тогда в гоголевском «юморе» скорее «оптимистический», чем «трагический» характер. По Аксакову, «юмор» Гоголя не столько разоблачает, сколько «реабилитирует» «опустевшую» жизнь: «Юмор <...> у Гоголя <...> не мешает <...> во всем ничтожном уметь находить живую сторону. <...> Отнимите у эпического созерцания прекрасную жизнь, с которой некогда прямо соединялось оно; представьте пред ним современную жизнь, уже не прекрасную, уже опустевшую: ибо перешагнули за нее, перешагнув за сферу художественной красоты, интересы человека, и глубокое созерцание поэта необходимо примет юмор, то посредствующее, что одно может соединять его еще с жизнью (без чего бы оно отворотилось и закрыло глаза, да позволено будет это выражение), примет юмор, *но вместе с тем сохраняя в себе свой характер всевидения и в то же время свою справедливость к жизни, умея везде находить ее сквозь юмор.* Только при последних условиях эпическое созерцание полно, истинно и вместе может быть современно, ибо характер его не препятствует современному определению; и мы в таком виде находим его у Гоголя» [Аксаков К. С. 1842b: 225–226]. По словам Аксакова, Манилов — это «лицо, в котором, как и во всех лицах Гоголя <...>, есть своя сторона жизни», «великое достоинство» Гоголя — «везде находить тайну жизни, в какую бы грязь и тину она ни запряталась» [Аксаков К. С. 1842b: 226]. «Общий характер лиц Гоголя тот, — замечал также Аксаков в брошюре, — что <...> все воображены в полноте жизни; на какой бы низкой степени не стояло лицо у Гоголя, вы всегда признаете в нем человека, своего брата, созданного по образу и подобию Божию» [Аксаков К. С. 1842a: 14]. Скорбь создателя «Мертвых душ» об искажении и утрате в себе падшим человеком образа и подобия Божия Константин Сергеевич Аксаков, как и его отец Сергей Тимофеевич, в гоголевской поэме словно не замечают. 20 января 1850 г., на другой день после чтения Гоголем С. Т. и К. С. Аксаковым второй главы второго тома «Мертвых душ», Сергей Тимофеевич, в частности, сообщал сыну Ивану: «Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону, нигде нельзя найти, кроме Гомера. Так раскрывается духовная внутренность человека, что для всякого из нас, способного что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность» [Аксаков С. Т. 1960: 204–205].

При всем том примечательно, что в споре К. С. Аксакова с Белинским о «Мертвых душах» по-настоящему интересен (и остается таким до сих пор) именно Константин Аксаков своей попыткой определить, наряду с творческим методом Гоголя, потенциальные, сокрытые в героях «Мертвых душ» возможности. А что такие возможности действительно существуют, свидетельствует последующее изучение образов Гоголя, приводящее к неожиданным открытиям (см: [Феодор (Бухарев), архимандрит, 2004: 205–230; Виноградов 2000а: 313–346; 2009b; 2017b; 2017с]). Прав был Константин Аксаков и в оценке мирового значения Гоголя. К тому же, несмотря на то, что свои мысли в брошюре Аксаков выразил «не совсем изящно», скороспелыми их назвать нельзя. Как свидетельствует его письмо к братьям от 2 января 1840 г., мысль о единстве «акта творчества» Гомера, Шекспира и Гоголя появилось у него еще в 1839 г., когда он слышал начальные главы «Мертвых душ» в чтении самого автора. (Чтение Гоголем у Аксаковых первой главы первого тома поэмы состоялось 14 октября 1839 г., второй и третьей глав — 23 декабря того же года.)

2 января К. С. Аксаков сообщал братьям в Петербург: «Гоголь бывает часто у нас, читал уже два раза после приезда. Я дивлюсь ему, и не только во время слушания его сочинений, но и тогда, когда просто с ним разговариваю. Можно бы много написать о характере его как художника, характере, который делает его художником по преимуществу и ставит его в один круг с знаменитым бессмертным Греком и Англичанином. *Гомер, Шекспир и Гоголь* — вот чудное, пышное созвездие» [Кошелев 1984: 116; 1995: 491; 2000: 239; Гоголь в воспоминаниях 2: 789].

По-видимому, об этом Константин Аксаков написал тогда же не только братьям, но и И. И. Панаеву, который 14 октября 1839 г. присутствовал на авторском чтении поэмы. Позднее Панаев (петербургский приятель Белинского) вспоминал, как Аксаков после чтения «ударял кулаком о стол и говорил: “Гомерическая сила! гомерическая!”» [Панаев: 174]. (Представление о том, что произведения разные по содержанию могут быть «равны» между собой «в художественном отношении», Аксаков высказывал, применительно к гоголевским повестям — «Тарасу Бульбе» и «Коляске», еще в 1837 г. [Виноградов 2009d: 502].) Далее в своих мемуарах Панаев сообщал, что на следующий день он вместе с Константином Аксаковым отправился к проживавшему тогда еще в Москве Белинскому (незадолго до его отъезда в Петербург)

и что Аксаков «с энтузиазмом» передал Белинскому свои впечатления от гоголевского чтения: «...Он говорил, что после первой главы “Мертвых душ” нельзя уже сомневаться в том, что Гоголь гений и что он подарит русскую литературу колоссальным произведением, в котором отразится вся Русь. Белинский слушал Аксакова с жадностью и смотрел на нас с завистью. “<...> ...Счастливыцы! — сказал он. — Я не знаю, чего бы я не дал, чтобы выслушать теперь эту главу...”» [Панаев: 174]. Хотя Белинский был знаком с Гоголем с 1835 г., но приглашен на чтение не был. (Как указывалось, спустя полтора месяца, в конце ноября 1839 г., последовала первая, хотя и заочная, но вполне принципиальная размолвка Аксакова с Белинским.)

По поводу несохранившегося послания Константина Аксакова к Панаеву от конца декабря 1839 г. Белинский в письме к Аксакову от 10 января 1840 г., замечал: «Радуюсь твоей новой классификации — Гомер, Шекспир и Гоголь <...> Вот мы и сошлись с тобою; только у меня на месте Гоголя стоит Пушкин...» [Белинский 9: 299]. Несомненно, помнил тогда Белинский и свое прежнее (1835 г.) сравнение «Тараса Бульбы» с поэмами Гомера. В следующем письме к Аксакову, от 14 июня 1840 г., критик добавлял: «Пушкинская поэзия — наше искупление, а в созданиях Гоголя я вижу только “Тараса Бульбу” <...> “Тарас Бульба” выше всего остального, что напечатано из сочинений Гоголя» [Белинский 9: 388].

Интересна в связи поднятой Белинским «гомеровской» темой в «Тарасе Бульбе» (а также с оценкой им же «сатирической» составляющей гоголевского творчества) эволюция воззрений критика в целом. Весьма показательной в этом отношении является его статья «Горе от ума... Сочинение А. С. Грибоедова», посвященная главным образом «Ревизору». Эта статья, хотя и была задумана в августе 1839 г. (и вышла в свет спустя некоторое время в январском номере «Отечественных Записок» за 1840 г.), однако представляет собой итог размышлений не нескольких месяцев, а более чем трехлетия, истекшего со времени появления на сцене и в печати гоголевской комедии (1836). Осмысление «поэзии» «Ревизора» оказалось для Белинского настолько сложной задачей, что, вопреки своему обычаю незамедлительно откликаться на новинки литературы, критик молчал о комедии Гоголя более трех с половиной лет [Курилов: 62–63, 77–79, 119]. Тем живее был интерес Белинского к мнению Гоголя о его статье, когда она была закончена. В упомянутом пись-

ме к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. Белинский спрашивал: «Бога самого ради, уведошь меня тотчас же, какое произведет впечатление статья о “Торе от ума” на Гоголя. Я что-то и почему-то не ожидаю хорошего, — но во всяком случае не церемонься: надо *все* знать» [Белинский 9: 299]. Действительно, оснований «не ожидать хорошего» в отзыве Гоголя об этой статье у Белинского было более чем достаточно. Дело в том, что, помимо размышлений о «Ревизоре», в статье содержался также хотя и сделанный «мимоходом», но тем не менее весьма «знаковый» разбор «Тараса Бульбы». Этот разбор, мягко говоря, оставлял желать лучшего. По поводу гоголевской повести Белинский, вопреки замыслу писателя показать в ней общину людей, нашедших свое призвание в исполнении заповеди Спасителя о любви к братьям, заявлял, что сила сплочения запорожцев кроется... — «нет <...> не в Православии», но в «кровавой сече» во время войны и «бешеной гульбе» во время мира¹. (Хотя в начале и в заключении своего разбора Белинский причислял Тараса Бульбу к «разумной» и даже «великой действительности», однако сосредоточил свой анализ преимущественно на снижающих чертах в образе героя, — на тех, что, по замыслу самого Гоголя, служат в повести указанием на то, что мешает запорожцам в исполнении их главного призвания.)

На что же мог в таком случае рассчитывать Белинский, желая услышать отзыв Гоголя о своей новой статье? Очевидно, по мнению Белинского, было в его работе то, за что Гоголь мог простить ему неприязненные выходки против «Тараса Бульбы». И действительно, отзыв Гоголя Белинский получил — и, конечно, не за «развенчание» Тараса Бульбы, а именно за развернутую далее в статье оценку «Ревизора». В письме от 14–15 марта 1840 г. Белинский сообщал В. П. Боткину: «Гоголь доволен

---

¹ Вопреки замыслу Гоголя показать в «Тарасе Бульбе» общину людей, нашедших свое призвание в исполнении заповеди Спасителя о любви к братьям, Белинский заявлял о главном герое эпопеи, что «он был христианин <...> в самом отвлеченном смысле» и что православие запорожцев «бестребовательно», «ограничено и бедно в своей сущности» и «мало походит на религию». «Цементирующим» принципом запорожского братства Белинский называл «кровавую сечу <...> во время войны» и «бешеную гульбу во время мира»: «Что ты видите в этой поэме? <...> Общество <...> связанное каким-то крепким цементом. В чем же эта связь? — в Православии? Нет, тут <...> другая, сильнейшая связь...» [Белинский 2: 200].

моею статьею о «Ревизоре» — говорит — многое подмечено верно. Это меня обрадовало» [Белинский 9: 354]. Очевидно, гоголевский доброжелательный отзыв касался лишь той части статьи Белинского, которая была посвящена «Ревизору». Похвалить статью критика Гоголь мог лишь за то, как тот оценивал здесь его знаменитую комедию. После трех с половиной лет размышлений Белинский рассматривал «Ревизора» вне всяких политических тенденций, исключительно с художественной точки зрения, — пытаюсь, в соответствии со своими теориями, понять, как вообще однозначно отрицательные (не приукрашенные, не фальсифицированные) образы могут быть содержанием поэзии: «...Это отрицание жизни, пошлая, грязная действительность <...> каким же образом могла она сделаться содержанием художественного произведения, и не унизил ли художник своего таланта, сделав из него такое употребление?» [Белинский 2: 201–202]. Как раз эту проблему решал для себя в те же месяцы и Константин Аксаков, прослушав начальные главы первого тома «Мертвых душ». И ему отрицательные образы гоголевского произведения тоже не помешали сделать вывод о высочайшем — «гомеровском» уровне мастерства писателя. (Сама проблема была поставлена в 1836 г. князем П. А. Вяземским в статье о «Ревизоре»: «В Природе не все изящно; но в подражании природе изящной может быть изящность в художественном отношении» [Вяземский 1836: 309]. Ответ на этот вопрос попытался дать в 1851 г. С. П. Шевырев: «... Чем полнее, чем ярче представляет нам комедия неразумную сторону существа нашего, тем сильнее в сознании нашем возбуждает идею разумного существа — Богом определенного бытия нашего» [Шевырев 1851: 119].)

В связи со статьей Белинского «Горе от ума...» следует отметить еще один важный момент, имеющий отношение не только к полемике 1842 г. по поводу «Мертвых душ», но и к собственно авторскому определению жанра этого произведения. Сам Гоголь, сравнительно с современными ему «романтиками», всегда ощущал себя «классиком», или, вернее, стремился быть таковым. В 1836 г., в статье «Петербургская сцена в 1835–1836 гг.», он, в частности, замечал: «... Что такое было то, что называли романтизм? Это было больше ничего, как стремление подвинуться ближе к нашему обществу... <...> Но как только <...> выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойствием художника, в классическое, или,

лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание» [Гоголь 2009–2010 7: 503]. В прочитанной Гоголем в 1840 г. статье Белинского «Горе от ума...» говорилось: «...Для классиков хуже чумы те авторы, которые не выставляют на своих сочинениях слов: поэма, трагедия, драма, комедия <...> и пр.» [Белинский 2: 191]. Можно предположить, что именно эти строки и побудили «классика» Гоголя в 1842 г., продолжая тлевшую с 1835 г. скрытую полемику с Белинским, «выставить» на заглавном листе первого тома «Мертвых душ» слово «ПОЭМА». В этом смысле, т. е. в соответствии с содержанием статьи Белинского, это определение должно было означать не что иное как единство христианского содержания и классической формы, — что вполне отвечало воззрениям самого Гоголя (см. ниже). «Только в наш век искусство получило полное свое значение, примирение христианского содержания с пластицизмом классической формы...» — замечал Белинский в статье [Белинский 2: 194]. Образно говоря, Гоголь «ловил» критика на слове, и авторским определением жанра «Мертвых душ» закреплял то, что в их противостоянии служило упрочению христианских ценностей. К сожалению, Белинский, уже расставшийся к тому времени с попытками «примирения с действительностью», на вопрос, «что это такое, почему “поэма”, так и не смог ответить ни после третьего, ни после последующих чтений этого “великого произведения”...» [Курилов: 113].

Как уже отмечалось, в 1842 г. Белинский, хотя и замечал поначалу, что «нельзя ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее понимать их, как видя в них сатиру» [Белинский 5: 54], вскоре занял вполне однозначную — и, согласно с его собственным определением, «грубую» и «ошибочную» позицию. Вследствие этого его замечания, высказанные в споре о «Мертвых душах», явились, сравнительно с суждениями Константина Аксакова, весьма заурядными, и то, на что с сознанием превосходства указывал он Аксакову в поэме Гоголя, лежит в общем-то на поверхности и очевидно для всякого¹. Знакомая Гоголя княжна

---

¹ «Линия Белинского» в интерпретации гоголевского произведения, в свою очередь, привела к крайне скудным и примитивным толкованиям «Мертвых душ» в работах советского периода. В седьмом томе советской академической «Истории русской литературы» (1955) по поводу героев поэмы читаем: Манилов — «выражение той праздности, того экономического и духовного паразитизма, который порождался крепостническим строем»; «Ноздрев — типичный представитель безвременья и реакции <...> в котором Гоголь уловил и типизировал самые отвратительные

В. Н. Репнина-Волконская, в частности, вспоминала: «...Для меня непостижимо было, почему вся читающая и образованная публика пришла в такой восторг при появлении первого тома “Мертвых Душ”. Я дала слово Г. П. Галагану прочесть эту книгу; это Гомер, говорил он. Но типы “Мертвых Душ” и “Ревизора” так отвратительны, что ни ум автора, ни прелесть слога не могут заставить забыть, что утопаешь в грязи, ходя по тем дорогам, по которым шагают герои “Мертвых Душ” и “Ревизора”» [Бартенев 1890: 229].

Косвенным подтверждением того, что именно в «оптимизме» восприятия Константином Аксаковым гоголевских образов лежит главный нерв его размышлений о «Мертвых душах», может служить попытка объяснить это восприятие, которую в 1874 г. собирался предпринять его брат Иван. Собираясь издать рукопись «Истории... знакомства с Гоголем...» своего отца, И. С. Аксаков 7 ноября 1874 г. писал А. О. Смирновой: «То <...> наслаждение, которое доставляло художественное воспроизведение пошлых, грязных и сальных сторон русской жизни, наслаждение чуждое всяких тенденциозных, социалистических соображений, все это теперь — вещи невнятные. Это необходимо истолковать, и потому мне хочется написать, в виде предисловия к рукописи моего отца, два этюда о Гоголе: один — «место или значение Гоголя в истории русской литературы и русского общества», а другой — психологический этюд о самом Гоголе...» [Бартенев 1895: 475].

К сожалению, предполагаемых статей И. С. Аксаков не написал, поэтому объяснение «оптимистической» позиции Аксаковых в восприятии «пошлого» содержания «Мертвых душ» остается искать в современных выходу в свет первого тома поэмы высказываниях читателей. Таким объяснением может служить уже упоминавшееся письмо к К. С. Аксакову Ю. Ф. Самарина от второй половины октября 1842 г., которое Константин Аксаков, вместе с двумя своими статьями о «Мертвых душах»,

---

черты дворянской реакции»; «С образом Собакевича связан у Ленина типический облик помещика-черносотенца»; «Образ Плюшкина вырастает в отвратительный символ дворянского разложения, оскудения и распада крепостнического хозяйства...»; «...Чичиков <...> является как бы воплощением всей той пошлости, хищничества, нравственной пустоты, цинизма, угодливости и всех прочих отвратительных качеств, которые создавались и культивировались всем строем помещичье-крепостнического общества того времени» [Степанов: 208–211]. Это *всё*, о чем исследователь счел нужным сказать о героях поэмы.

дважды посылал Гоголю в Рим (в начале ноября 1842 г. и в апреле 1843). В этом письме Самарин замечал: «Не касаясь вопроса о России вообще и о современном ее состоянии, я думаю, что из возможности явления в наше время чисто художественного произведения <...> можно вывести заключение о самой жизни. <...> Скажите, найдете ли вы в поэзии народов отживающих что-нибудь похожее на “Мертвые души”? И есть ли в “Мертвых душах” хотя призрак сатиры? <...> Нет, та жизнь, которую поэт мог полюбить и возвести в ясное, светлое создание искусства, та жизнь, поверьте, далека от разрушения. <...> Один огромный, неопровержимый факт — возможность возведения этой жизни в мир искусства, становится против темной ее стороны и наполняет душу упованием и укрепляет нас на трудный подвиг, на трудное странствование сквозь эту жизнь» [Гоголь 2009–2010.12: 229, 231].

Можно заметить, что содержание этого письма прямо перекликается со строками послания самого К. С. Аксакова к А. Н. Попову от конца октября 1842 г., где, говоря о великом будущем русского народа, Аксаков подчеркивает: «Сильнейшим подтверждением этого убеждения была поэма Гоголя “Мертвые души”, в которых явилось такое чудо создания, такая великая, древняя классическая простота, которая смогла явиться разве только в России, у народа цельного, великого, жизненного, назначенного к великим подвигам» [Кулешов: 203–204; Кошелев 1984: 138].

Но здесь вновь напрашивается существенное — как бы от лица самого Гоголя — возражение Константину Аксакову. Ибо, согласно Гоголю, «пути и дороги к этому *светлому* будущему сокрыты именно в этом *темном* и *запутанном* настоящем, которого никто не хочет узнавать: всяк считает его низким и недостойным своего внимания и даже сердится, если выставляют его на вид всем» (письмо к А. О. Смирновой «Что такое губернаторша» «Выбранных мест из переписки с друзьями» [Гоголь 2009–2010. 6: 108]). Позднее, 29 декабря 1854 г., Вера Сергеевна Аксакова как бы от лица всей семьи Аксаковых свидетельствовала: «*Теперь только* (курсив мой. — *И. В.*), при чтении стольких писем к стольким разным лицам, начинаем мы постигать всю задачу его жизни и все его духовные внутренние труды. Какая искренность в каждом слове! И этого человека подозревали в неискренности! Прекрасны его слова к Смирновой о России, как замечательны они теперь! Он верил в светлое будущее России, но путь к нему указывал в настоящем» [Аксакова: 28].

Предназначение «к великим подвигам», великое будущее России Гоголь видел именно в преодолении недостатков, в возрождении «мертвых душ» соотечественников. Имея в виду строки лермонтовского «Бородино» — «Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / Богатыри — не вы!», — Гоголь писал: «В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое званье и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святыню своего званья и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту. Я слышал то великое поприще, которое никому из других народов теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что перед ним только такой простор и только его душе знакомо богатырство...» («Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» [Гоголь 2009–2010. 6: 80–81]).

7. Авторское понимание жанра «Мертвых душ» и истолкование поэмы Белинским

Вопрос о том, как отнесся Гоголь к возражениям Белинского на статье К. С. Аксакова о «Мертвых душах», казалось бы, не требует пояснения, если иметь в виду позднейшую книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», одним из существенных мотивов создания которой явилось как раз стремление Гоголя открыть читателю свой настоящий писательский облик, существенно искаженный в интерпретациях Белинского [Виноградов 1999; 2009с]. Получив в начале июня (н. ст.) 1843 г. от Н. Я. Прокоповича статьи Белинского, посвященные «Мертвым душам», в частности, статью «Объяснение на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”», Гоголь в письме к Прокоповичу от 1 сентября (н. ст.) 1843 г. заметил: «Белинский смешон» [Гоголь 2009–2010. 12: 265].

Прямо противоположно пониманию «Мертвых душ» Белинским звучат и строки Гоголя в письме к А. О. Смирновой от 25 июля (н. ст.) 1845 г.: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах...» [Гоголь 2009–2010. 13: 153].

Ввиду очевидности противостояния Гоголя и «неистового Виссариона», исследователи, изучавшие полемику Аксакова с Белинским, обычно не принимали во внимание реакцию самого Гоголя на критику Белинским брошюры Аксакова. Тем не менее, вопрос этот также требует пояснения.

Уточним главный смысл интерпретаций Белинским гоголевской поэмы. Помимо собственных подцензурных высказываний критика, о его восприятии «Мертвых душ» можно судить из воспоминаний Ф. М. Достоевского, начинавшего свою писательскую карьеру в кругу западников. В 1871 г. Ф. М. Достоевский в письме к Н. Н. Страхову (от 30 мая н. ст.), замечал о Белинском: «Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь *обличил*» [Достоевский 29-1: 215]. Западник П. В. Анненков в «Замечательном десятилетии», в свою очередь, свидетельствовал: «...Белинский <...> как бы считал своим жизненным призванием <...> отстранить и уничтожить попытки к допущению каких-либо других, смягчающих выводов из знаменитого романа, кроме <...> строго обличающих...» [Анненков: 221]. Выше уже отмечалось, что такой позиции Белинский придерживался в некоторой степени из «тактических» соображений. При этом критик хорошо сознавал, что его толкования «обличающего» характера не могут быть одобрены самим Гоголем. «Когда мы хвалили сочинения Гоголя, — заявлял он, например, в 1847 г. в статье, посвященной «Выбранным местам из переписки с друзьями», — то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях...» [Белинский 8: 237]. Еще более определенно на этот счет высказался в том же году В. П. Боткин: «...В русской литературе есть направление, с которого не совратить ее и таланту посильнее Гоголя; русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца» [Белинский, Боткин: 58].

Остается только удивляться, как в своем письме из Зальцбрунна — рассчитанном на публичную огласку — Белинский не постеснялся даже Гоголю поставить в упрек то, что будто бы писатель «обвинил» его (якобы несправедливо) «в намерении дать какой-то предосудительный толк» его сочинениям. «Я не умею говорить наполовину, — заяв-

лял при этом Белинский, — не умею хитрить: это не в моей натуре» (письмо от 15 июля (н. ст.) 1847 г. [Белинский 8: 288]). О том, как «не умел хитрить» Белинский, вполне позволяют судить как уже отмеченные выше его многочисленные «тактические» уловки в полемике с Константином Аксаковым, так и целый ряд других высказываний критика. К примеру, в 1847 г. Белинский поучал К. Д. Кавелина: «Насчет Вашего несогласия со мною касательно Гоголя и натуральной школы я вполне с Вами согласен, да и прежде думал таким же образом. Но вы, юный друг мой, не поняли моей статьи, потому что не сообразили, для кого и для чего она писана. Дело в том, что писана она не для Вас, а для врагов Гоголя и натуральной школы <...> Поэтому я счел за нужное сделать уступки, на которые внутренне и не думал соглашаться, и кое-что изложил в таком виде, который мало имеет общего с моими убеждениями касательно этого предмета. Например, все, что Вы говорите о различии натуральной школы от Гоголя, по-моему совершенно справедливо; но сказать этого печатно я не решусь: это значило бы наводить волков на овчарню, вместо того, чтобы отводить их от нее. А они и так напали на след и только ждут, чтобы мы проговорились. Вы, юный мой друг, хороший ученый, но плохой политик...» (письмо от 22 ноября 1847 г. [Белинский 9: 682]).

К сожалению, апологетический подход к наследию Белинского, стремление затушевать нигилистическое начало в его деятельности порой приводят к парадоксальным выводам о том, что «в предметном содержании, в непосредственной характеристике гоголевского творчества Белинский и Аксаков нередко совпадали. Оба выступали против обедненного толкования “Мертвых душ” как сатиры; оба видели “серьезные”, трагические стороны гоголевского мира, оба говорили об его глубине и неисчерпаемости и т. д.» [Манин: 158]. Второстепенные для самих участников полемики элементы сходства взглядов выдаются при таком подходе за главное, так что перед нами предстает не ожесточенная полемика, и даже не спор, а благодушная приятельская беседа — вроде сцены Чичикова с Маниловым (между тем известно, что Константин Аксаков называл рецензию на его брошюру Белинского не иначе как «подлым ругательством» [Розенблюм: 203; Кулешов: 204; Кошелев 1976: 86; 1984: 138]).

В то же время не стоит преувеличивать и степень «понимания» Белинским Гоголя. Мирозозрение писателя оставалось для крити-

ка во многом «закрытым». Прежде всего это касается определенно «славянофильского», по своей сути, содержания всех произведений Гоголя, начиная от самых ранних. Протопресвитер профессор В. В. Зеньковский, автор двухтомной «Истории русской философии», более полувека посвятивший изучению гоголевского наследия, не случайно именно Гоголя — не Аксакова, не Погодина, не Хомякова и не Шевырева, — называл «зачинателем» славянофильского течения русской мысли [Зеньковский 1926: 63; 1961: 205]. В письме от начала ноября 1842 г. К. С. Аксаков сообщал Гоголю: «Белинской в восторге от “Мертвых Душ”, но кажется, он их далеко не понимает. Слова ваши о славянском племени (<1 нрзб.> прекрасное место) находит он, между прочим, утрированными» [Гоголь 2009–2010. 12: 156]. О всех «прежних творениях» Гоголя (до «Переписки с друзьями») Белинский отзывался в 1847 г. как о «положительно и резко антиславянофильских» [Белинский 8: 295]. Казалось бы, критик должен был воздержаться от столь категоричных утверждений, вспомнив (хотя бы) о «Тарасе Бульбе», но дело в том, что с «Тарасом Бульбой», в котором славянофильская составляющая звучит, пожалуй, наиболее отчетливо, Белинский, как отмечалось, «расправился» (в своем воображении) еще в 1840 г.

В связи с вопросом о принципиальном расхождении взглядов Белинского и Гоголя укажем на еще одно представление, опираясь на которое, оценивал творчество Гоголя не только Белинский, но, к сожалению, и его оппонент Константин Аксаков, и которое определенно находится в противоречии с действительным содержанием гоголевских произведений. В анализе «Мертвых душ» и тот, и другой, увы! одинаково исходили из признания либо «бессознательности», либо едва только пробуждающейся «сознательности» автора.

В признании К. С. Аксаковым за Гоголем «эпического созерцания» определенно заключалось представление о «всеохватывающем», «глубоком», но «простом» восприятии, в котором связь изображаемых явлений обуславливается «единством духа» поэта, но отнюдь не его рефлексией. В свою очередь, для Белинского в подобных представлениях не было ничего нового: такие воззрения он высказывал, начиная от самых первых своих статей о Гоголе. Определив в 1835 г. Гоголя только как гениального бессознательного художника («...только поэт, а не другое что-нибудь <...> большое участие ума <...> есть недостаток»

[Белинский 1: 161–162]), Белинский уже тогда выступил против вполне определенного религиозного содержания «ученых статей» Гоголя, а также против соответствующего смысла некоторых его художественных созданий, в частности, своеобразного литературно-художественного манифеста Гоголя, повести «Портрет». По сути, теория о бессознательности художественного творчества и определение Гоголя как художника, творящего в состоянии «поэтического сомнамбулизма» [Белинский 1: 164], представляла еще одну из «тактических» уловок критика, означая на практике возможность произвольного истолкования гоголевских произведений. Возникающие при этом противоречия выдавались в соответствии с этой теорией за противоречия между «гениальной» художественной интуицией писателя и его неглубоким мировоззрением. Стремление отрицать или дискредитировать авторскую мысль в художественном произведении, придав ему иное толкование, наряду с восторженными похвалами, пронизывает большинство критических выступлений Белинского, посвященных гоголевскому творчеству. Не удивительно, что сам Гоголь неоднократно выступал против этой «теории» Белинского. О себе как об авторе он, в частности, заявлял устами героя «Развязки Ревизора»: «Дайте же ему хоть каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 490].

В своем «Объяснении на Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мертвые души”» Белинский, оценивая только что вышедшее гоголевское собрание сочинений, прямо заявлял, что при верном «артистическом инстинкте» «непосредственность творчества у Гоголя имеет свои границы и <...> изменяет ему <...> там, где в нем поэт сталкивается с мыслителем...» [Белинский 5: 153]. Откровенно намекая на якобы недостаток «эрудиции» Гоголя, «интеллектуального развития, основанного на неослабном преследовании быстро несущейся умственной жизни современного мира», критик в качестве доказательства приводил как раз те художественные произведения писателя, которые наиболее не укладывались в схему радикальной интерпретации: «Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть», «Портрет», «Рим» [Белинский 5: 153–155].

Однако в это же время в суждениях критика о Гоголе намечалась и иная тенденция. С выходом в свет первого тома «Мертвых душ» Белинскому, по-видимому, показалось, будто бы Гоголь отчасти «пере-

ходит» его сторону. Как только это предположение возникло, тут же критик выразил готовность отказаться от своих прежних представлений. Вопреки своим излюбленным размышлениям о бессознательности гения, он стал утверждать, что бессознательность в художественном произведении есть не достоинство, а недостаток, и готов был признать за Гоголем «участие ума» и «рефлексию».

В рецензии на брошюру Аксакова эта готовность Белинского увидеть в создании «Мертвых душ» «участие ума» проявляется вполне определенно. Критик заявлял: «...Мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени; он также менее теряет в разнообразии создаваемых им объектов и более дает чувствовать присутствие своего субъективного духа, который должен быть солнцем, освещающим создания поэта нашего времени» [Белинский 5: 62]. В «Объяснении на Объяснение...» Белинский добавлял: «...Удивительная сила непосредственного творчества <...> много вредит Гоголю. Она, так сказать, *отводит ему глаза* от идей и нравственных вопросов, которыми кипит современность, и заставляет его преимущественно устремлять внимание на факты и довольствоваться объективным их изображением. <...> ...К числу особенных достоинств “Мертвых душ” принадлежит более осязательное, чем в прежних сочинениях Гоголя, присутствие субъективного начала, а следовательно, и *рефлексии*. Надо желать, чтоб это преобладание рефлексии постепенно в нем усиливалось, хотя бы насчет акта творчества, из которого так хлопочет г. Константин Аксаков. Гегель в своей эстетике в особенную заслугу поставляет Шиллеру преобладание в его произведениях рефлектирующего элемента, называя это преобладание выражением духа новейшего времени» [Белинский 5: 156].

Однако с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» Белинский вновь отказывается Гоголю и в уме, и в «рефлексии», возвращаясь к своим прежним представлениям. Откликаясь в 1847 г. на выход «Переписки с друзьями», Белинский закрепляет выдвинутое им в 1835 г. определение Гоголя как гениального бессознательного художника и слабого мыслителя. В рецензии на книгу он восклицает: «...Горе человеку, которого <...> природа создала художником <...> если <...> он ринется в чуждый ему путь!» [Белинский 8: 238]. В зальцбруннском письме к Гоголю он добавлял: «...Вы глубоко знаете Россию только

как художник, а не как мыслящий человек...» [Белинский 8: 282–283]. Исходя из сказанного, можно предположить, что Белинского устраивала, вероятно, лишь одна форма «сознательности» — призванная беспрекословно разделять его взгляды. Всякая другая «рефлексия» представлялась ему либо недостатком «эрудиции», либо — сумасшествием.

Очевидно, не случайной была та отповедь, которую намеревался дать Гоголь Белинскому в 1847 г. в ответ на ставшие почти традиционными обвинения в «недостатке образования». Имея в виду высказывания критика о Церкви (к примеру, замечание Белинского, что «смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века» [Белинский 8: 283]), Гоголь писал: «...Какое невежество блещет на всякой странице! [Как дерзнуть с таким малым запасом сведений толковать о таких великих предметах. Вы не кончили даже университетского курса]» [Гоголь 2009–2010. 14: 387]. В письме к Белинскому от 10 августа (н. ст.) 1847 г. Гоголь замечал: «...Вам <...> следует узнать хотя часть того, что знаю я и чем вы напрасно пренебрегаете» [Гоголь 2009–2010. 14: 411].

В наибольшей степени понять отношение Гоголя к возражениям Белинского на статьи К. С. Аксакова о «Мертвых душах», позволяет обращение к основным положениям статьи Белинского «Объяснение на Объяснение...» Здесь Белинский повторил мнение С. П. Шевырева о том, что в именовании «Мертвых душ» «поэмой», возможно, заключена ирония. В противном случае Белинский называл уже, в отличие от прежнего своего мнения, авторское определение жанра «великой ошибкой»: «Не зная, как, впрочем, раскроется содержание “Мертвых душ” в двух последних частях, мы еще не понимаем ясно, почему Гоголь назвал “поэмою” свое произведение, и пока видим в этом названии тот же юмор, каким растворено и проникнуто насквозь это произведение. Если же сам поэт почитает свое произведение “поэмою”, содержание и герой которой есть субстанция русского народа, — то мы не обвиняя скажем, что поэт сделал великую ошибку <...> субстанция народа может быть предметом поэмы только в своем разумном определении, когда она есть нечто положительное и действительное, а не гадательное и предположительное... <...> И потому великая ошибка для художника писать поэму, которая может быть возможна в будущем» [Белинский 5: 148].

Пафос гоголевской поэмы, как указывал критик, «состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанци-

альным началом, доселе еще таинственным, доселе еще не открывшемся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения» [Белинский 5: 158]. Таким образом, согласно утверждению Белинского, пафос поэмы был направлен не против конкретных человеческих пороков, но против «общественных форм русской жизни». Под носителями же положительного «глубокого субстанциального начала» критик (вопреки предназначенным, по-видимому, для цензуры заявлениям о «таинственности» и «неуловимости ни для какого определения» этого начала) подразумевал представителей вполне определенного мировоззрения: прежде всего тех, чьи взгляды были близки его собственным, то есть лиц противоположительственных и атеистических воззрений. 7 декабря 1847 г. Белинский писал К. Д. Кавелину: «...Честных, благородных и вместе с тем умных людей <...> на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (то есть истинно хороших людей, а не мелодраматических героев)... <...> Но вот горе-то: литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не впадая в идеализацию, в ретиорику и мелодраму, то есть не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, то их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут» [Белинский 9: 708]. Это «оппозиционное», присутствующее самому Белинскому мироощущение критик и распространял едва ли не на весь русский народ. В письме к Гоголю от 15 июля (н. ст.) 1847 г. по поводу «Выбранных мест...» он заявлял: «...Русский народ <...> по натуре своей глубоко атеистический народ <...> в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем» [Белинский 8: 284]. Именно «общественною средою» русской жизни, препятствующей «развитию» народа по западноевропейским меркам, Белинский объяснял, вопреки воззрениям самого Гоголя, пороки выведенных в «Мертвых душах» героев. «Но неужели же в русской действительности нет ничего лучше и благороднее Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова?.. <...> Без всякого сомнения, есть... <...> Сверх того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенные Гоголем, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличивают дело и грубо его понимают. Эти лица дурны по воспитанию, по невежественности, а не по натуре, и

не их вина, что со дня смерти Петра Великого прошло только 116, а не 300 лет» [Белинский 5: 133]. Отсюда делался вывод о «невозможности» поэмы «*пока*» — в смысле утверждения в русской жизни западноевропейских «идеалов», и о невозможности поэмы вообще в религиозном, или «древнем» смысле. «...Думать, что в наше время возможен древний эпос, — писал Белинский, — это так же нелепо, как и думать, что в наше время человечество могло вновь сделаться из взрослого человека ребенком...» [Белинский 5: 145].

Еще в 1835 г., в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», Белинский, размышляя о противоположности «идеальной» и «реальной» поэзии, высказывался о жанре «поэмы» и его отношении к современности следующим образом: «...Первобытное человечество <...> объясняло явления физического мира влиянием высших таинственных сил. <...> “Илиада” была <...> священной книгою, источником религии и нравственности <...> Но младенчество не вечно для человека <...> вера в богов и чудесное умерла <...> Мы требуем не идеала жизни, но самой жизни, как она есть. Дурна ли, хороша ли, но мы не хотим ее украшать <...> вот поэзия *реальная* <...> она не пересоздает жизнь, но воспроизводит <...> ее...» [Белинский 1: 141–146]. Для упрочения таких взглядов на значение литературы в современном обществе — служить лишь верным «зеркалом» действительности — привлекался также тезис о бессознательности настоящего художественного творчества.

В своем западничестве Белинский выступал лишь против «слепой подражательности» и ратовал за создание «нашими руками» и «на родной почве» национального «просвещения», в основе которого главенствовала бы, однако, идея европейского прогресса [Белинский 1: 64, 69–70, 79–80, 124–125]. Именно как проявление этого национального «просвещения» (приведшего от «гимна», «поэмы» и «молитвы» «младенчествующего человека» к современным — якобы заменившим их — «повести и роману») Белинский и истолковывал повести Гоголя в «Арабесках» и «Миргороде», найдя в них, по замечанию Я. М. Неверова, «свою любимую реальную поэзию» [Неверов: 433] в противовес «идеальной» — древнего источника «религии и нравственности» [Белинский 1: 144].

Гоголь внимательно прочитал тогда статью Белинского, посвященную «Арабескам» и «Миргороду», и впоследствии прямо возражал на эти (и подобные) заявления критика, в том числе высказанные в споре

с К. С. Аксаковым. По словам Гоголя в письме к П. В. Анненкову от 12 августа (н. ст.) 1847 г. (а также в письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. [Гоголь 2009–2010. 15: 11]), создавая свою поэму, он провел «долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших» [Гоголь 2009–2010. 14: 412]¹. Весной 1836 г., когда собственная поэма Гоголя уже была начата, но еще не названа «поэмой», писатель в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», замечал: «Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божественные мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов <...> Мы <...> наконец возвращаемся к той истине, которая была сказана еще в глубине младенческих сердец наших <...> Уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль...» (рецензия на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира» [Гоголь 2009–2010. 7: 495]). Насущную потребность «поэмы», как произведения учительной литературы, для современности Гоголь подчеркивал позднее в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (1846). Повторяя здесь суждения Белинского о религиозно-нравственном содержании поэм Гомера и имея в виду «прогрессистские» высказывания критика по отношению к традиционной духовной культуре России, он писал: «...“Одиссея” есть <...> нравственнейшее произведение и <...> единственно затем и предпринята древним поэтом, чтобы в живых образах начертать законы действий тогдашнему человеку <...> все нынешние обстоятельства как бы нарочно обставились так, чтобы сделать появление “Одиссеи” почти необходимым в настоящее время...» [Гоголь 2009–2010. 6: 27]. «Словом, — продолжал Гоголь, — на страждущих и болеющих от своего европейского совершенства “Одиссея” подействует. Много напомнит она им младенчески прекрасного, которое (увы!) утрачено, но которое

---

¹ Как вспоминал позднее П. В. Анненков, Гоголь в 1841 г. в Риме, в период создания первого тома «Мертвых душ», говорил, «что в известные эпохи одна хорошая книга достаточна для наполнения всей жизни человека. В Риме он только перечитывал любимые места из Данте, “Илиады” Гнедича и стихотворений Пушкина» [Анненков: 67]. О насущной необходимости для «поэта-художника», перечитавшего «много всяких творений», оставить себе наконец «настоящую книгу одну только “Илиаду” Гомера» упоминал Гоголь в создававшейся тогда же второй редакции повести «Портрет» (1842) [Гоголь 2009–2010. 3/4: 93].

должно возратить себе человечество, как свое законное наследство» [Гоголь 2009–2010. 6: 34]. Имея в виду противопоставление Белинским «идеала жизни» «самой жизни», представленной в натуралистическом зеркале «реальной поэзии», Гоголь в «Авторской исповеди» (1847) добавлял: «...Писатель-творец творит творенье свое в поученье людей <...> Нужно, чтобы в создание его жизнь сделала какой-нибудь шаг вперед... <...> Возратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно...» [Гоголь 2009–2010. 6: 238].

Судя по этим высказываниям, определение автором жанра «Мертвых душ» как «поэмы» преследовало цель подчеркнуть принадлежность его творения к высоким классическим образцам древней учительской литературы. Надо сказать, этим Гоголь отвечал не только Белинскому, но и Константину Аксакову, ибо, согласно Гоголю, его поэма заключала в себе не только древнее эпическое *созерцание* (на чем настаивал Аксаков), но и учительство (и, конечно, отнюдь не «бессознательное»), как учительным, по убеждению писателя, было и творчество Гомера.

8. Недооценка Аксаковым религиозного обличения «мертвых душ»

Пытаясь отстоять поэму Гоголя от попыток интерпретации ее в духе западнического отрицания, К. С. Аксаков, судя по всему, недооценил религиозную, вполне *сознательную* позицию автора «Мертвых душ». Сам Гоголь светской сатире противопоставлял именно религиозную, по сути, пастырскую критику современности — и в этом видел главную особенность своего художнического видения. «Сатирой ничего не возьмешь; простой картиной действительности, оглянутаго глазом современного светского человека, никого не разбудишь... <...> Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный Суд Божий, что вострепетает настоящее» («Предметы для лирического поэта в нынешнее время» [Гоголь 2009–2010. 6: 67–68]).

Напротив, С. Т. и К. С. Аксаковым (не говоря уже о Белинском) религиозная настроенность Гоголя всегда казалась «лишней», «меша-

ющей» в деле «художества». Сам Гоголь 20 мая (н. ст.) 1847 г. писал А. О. Смирновой об Аксаковых: «Почувствовать, что всё, совершающееся в нас, совершается не без воли Божией и что событие, во мне случившееся, случилось не во вред искусству, но к возвышению искусства, почувствовать этого из них никто не в силах, ни отец, ни сын...» [Гоголь 2009–2010. 14: 279–280]. Именно С. Т. Аксакову Гоголь 18 августа (н. ст.) 1842 г. писал из Гастейна по поводу своего предполагаемого паломничества к Святым Местам: «Признайтесь, вам странно показалось, когда я в первый раз объявил вам о таком намерении? <...> Человеку, не носящему ни клобука, ни митры, смешившему и смешавшему людей, считающему и доныне важным делом выставлять неважные дела и пустоту жизни, такому человеку, не правда ли, странно предпринять такое путешествие? Но разве не бывает в природе странностей? Разве вам не странно было встретить в сочинении, подобном Мертвым душам, лирическую восторженность? Не смешною ли она вам показалась вначале, и потом не примирились ли вы с нею, хотя не вполне еще узнали значение? Так, может быть, вы примиритесь потом и с сим лирическим движением самого автора» [Гоголь 2009–2010. 12: 112]. Сам С. Т. Аксаков, вспоминая «Истории нашего знакомства с Гоголем...», как Гоголь сообщил ему о своем намерении отправиться в Иерусалим, замечал: «Признаюсь, я не был доволен ни просветленным лицом Гоголя, ни намерением его ехать ко Святым Местам. Все это казалось мне напряженным, нервным состоянием и особенно страшным в Гоголе, как в художнике...» [Гоголь в воспоминаниях 2: 709].

Позднее, комментируя в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» письмо к нему Гоголя от 24 июля (н. ст.) 1843 г., С. Т. Аксаков замечал: «Решительно не знаю, какие житейские дела могли отнимать у Гоголя время и могли мешать ему писать? <...> Я думаю, что Гоголю начинало мешать его религиозное направление» [Гоголь в воспоминаниях 2: 748]. Иван Аксаков 14 марта 1844 г. писал также родным по поводу известий о Гоголе: «Как бы не потерпело искусство от излишества религиозного направления» [Аксаков И. С. 1888а: 97].

Но в полной мере разногласия Аксаковых с Гоголем по поводу его учительства проявились с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями». К сожалению, отношение почти всего семейства Аксаковых к этой книге (за исключением одного Ивана Аксакова) было почти сходным с реакцией на нее Белинского. С. Т. Аксаков даже по-

лагал, что Белинский в своей статье о «Переписке с друзьями», напечатанной в № 2 «Современника» за 1847 г., был недостаточно радикален. 8 февраля 1847 г. он писал сыну Ивану: «Белинский не так написал о книге Гоголя, как я ожидал. Впрочем, хорошенько подумав, я почти соглашаюсь, что так и следовало ему написать: он не был в дружеских сношениях с Гоголем. Не мог сказать голой правды о многих статьях и притом болен» [Гоголь в воспоминаниях 2: 597].

И все это несмотря на то, что Аксаковы, наряду с Погодиными, Шевыревыми, Хомяковыми, Шереметевой, Толстыми и др., были в Москве в числе наиболее близких к Гоголю семейств. Тем не менее, едва получив известие о печатании в Петербурге «Выбранных мест...», С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану от 26 августа 1846 г. восклицал: «Увы, исполняется мое давнишнее опасение! Религиозная восторженность убила великого художника и даже сделает его сумасшедшим» [Аксаков С. Т. 1960: 159]. 25 ноября 1846 г. он писал о том же П. А. Плетневу: «Вы, вероятно <...>, заметили с некоторого времени особенное религиозное направление Гоголя; впоследствии оно стало принимать характер странный, и, наконец, достигло такого развития, которое я считаю если не умственным, то нервным расстройством» [Грот: 249–250]. Самому Гоголю С. Т. Аксаков в письме от конца ноября — 9 декабря 1846 г. признавался: «Уже давно начало не нравиться мне ваше религиозное направление» [Гоголь 2009–2010. 13: 456].

В. С. Аксакова, повторяя слова отца, 3 декабря 1846 г. сообщала М. Г. Карташевской, что «религиозное направление» Гоголя «овладело им до такой степени, что художник исчезает» [Аксаков С. Т. 1890: 155]. В письме от 30 января — 4 февраля 1847 г. она добавляла: «Гоголь не фанатик религиозный, т. е. по крайней мере не такой, как мы привыкли понимать под этим словом. Лучше было бы, когда бы он бежал в пустыню, отвергал бы мир, убивал бы постом и молитвой свое тело, бичевал бы себя, делал бы всевозможные нелепости, но он не то, он хочет примирить жизнь и весь порядок вещей с христианским стремлением...» [Гоголь в воспоминаниях 2: 857–858].

В письме к сыну Ивану от 23 января 1847 г. С. Т. Аксаков замечал о Гоголе: «...Говоря о примирении искус<с>тва с религией, он всеми словами и действиями своими доказывает, что художник погиб в нем» [Аксаков С. Т. 1960: 167–168]. На другой день после похорон Гоголя, 25 февраля 1852 г., С. Т. Аксаков писал М. Г. Карташевской: «Вот, милая

Машенька, что случилось с нами: Гоголь умер... страшные слова! <...> ...Он сжег все “Мертвые души”. Вероятно, ханжа гр<аф> Толстой¹, попы и монахи подвинули его на это. Нельзя служить двум владыкам; нельзя исповедовать двух религий: христианства и художества» [Аксаков С. Т. 1960: 223].

Столь же показательно позиция С. Т. Аксакова в отношении к учительству Гоголя проявилась в статье «Одним сыновьям», написанной на второй день после кончины писателя, 23 февраля 1852 г. Здесь Аксаков также высказывался со всей откровенностью: «Я признаю Гоголя святым, не определяя значения этого слова. Это истинный мученик высокой мысли, мученик нашего времени и в то же время мученик христианства. Я это предчувствовал, и еще в 1844 году, когда он прислал нам подарки², написав прежде такое письмо³, что я ждал второго тома “Мертвых душ”, писал к обоим <...> Петровичам <М. П. Погодину и С. П. Шевыреву> о своем отчаянии. Долго хохотали надо мною эти ослы, прочитав в моем письме, что или художник погиб и выйдет святой отшельник, или Гоголь умрет в сумасшедшем доме. Слава Богу, не сбылось последнее, но зато он ничего не произвел нового и умер. <...> Нельзя исповедовать две религии безнаказанно. Тщетная мысль совместить и примирить их. Христианство сейчас задаст такую задачу художеству, которую оно выполнить не может, и сосуд лопнет» [Аксаков С. Т. 1960: 222–223].

---

¹ Подразумевается граф А. П. Толстой, один из близких друзей Гоголя, его постоянный собеседник по конфессиональным вопросам, впоследствии обер-прокурор Святейшего Синода (1856–1862). В 1857 г. святитель Игнатий (Брянчанинов), в ту пору архимандрит, настоятель Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, писал о графе А. П. Толстом: «...Он весьма благонамерен и к Церкви весьма расположен, почему и ожидают от него всего доброго, особенно когда он попривыкнет к делам» [Игнатий Брянчанинов, святитель: 219]. Разделяемое всеми членами семьи Аксаковых представление о том, будто на формирование «мистического расположения» Гоголя оказал влияние граф А. П. Толстой, ошибочно. Факты свидетельствуют об обратном: не граф Толстой и его супруга, а Гоголь повлиял на них в религиозном отношении [Виноградов 2010].

² См. письмо Гоголя к С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и С. П. Шевыреву от 14 февраля (н. ст.) 1844 г. из Ниццы [Гоголь 2009–2010. Т. 12: 309–310] (датировка письма уточнена).

³ Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову от 10 февраля (н. ст.) 1844 г. [Гоголь 2009–2010. Т. 12: 313–314].

К слову сказать, не доведенная до конца «История нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова 1854–1855 гг. также лишь на первый взгляд может показаться вполне «беспристрастной» и «дружелюбной» в отношении к Гоголю. Как позволяет судить обширное эпистолярное наследие семьи Аксаковых, а также подготовительные материалы С. Т. Аксакова к его «Истории...», да и само содержание этого незавершенного произведения, сохранившаяся его часть — лишь подступ к изображению решительного размежевания с Гоголем — автором «Выбранных мест из переписки с друзьями». Сама незавершенность «Истории...» во многом объясняется неоднозначностью и непоследовательностью Аксакова в этом принципиальном и наиболее важном для него эпизоде взаимоотношений с Гоголем. Лишь однажды в «Истории...» самоуверенный тон Аксакова в оценке учительства Гоголя сменяется на покаянный: «Будучи сам плохим христианином, я с неудовольствием и недоверчивостью смотрел на религиозное направление Гоголя. Вероятно, это было главною причиною, почему он не открывался мне в своих намерениях» [Гоголь в воспоминаниях 2: 709].

Из всех Аксаковых лишь Иван Аксаков не разделял мнения Белинского о невозможности создания поэмы в древнем, учительном смысле и верил в возможность выполнения Гоголем его задачи. 18 января 1847 г. он писал родным из Калуги: «Меня что радует? То, что он мирится и мирит искусство с религией, что он продолжает “Мертвые Души”...» [Аксаков И. С. 1988: 344–345]; 25 января 1847 г.: «Я убежден <...>, что все это направление не помешает ему окончить Мертвых Душ. Что если Мертвые Души явятся, если просветленный художник уразумеет всю жизнь, как она есть, со всеми ее особенностями, но еще глубже, еще дальше проникнет в ее тайны, не односторонне, не увлекаясь досадой или насмешкой, — ведь это должно быть что-то исполински-страшное. 2-й том должен разрешить задачу, которой не разрешили все 1847 лет христианства» [Аксаков И. С. 1988: 347–348]. Однако, несмотря на отличие позиции И. С. Аксакова, из тех же его признаний можно предположить, что Аксаковы, подобно Белинскому, даже не допускали, что практическое соединение христианства и «художества» Гоголь начал осуществлять задолго до начала работы над вторым томом «Мертвых душ», а именно, с самых первых своих произведений.

Глубже понять, что именно подразумевали Аксаковы под невозможностью соединения христианства и искусства, и заодно уяснить,

как воспринимали они другие гоголевские произведения, в частности, «Вечера на хуторе близ Диканьки», позволяет письмо И. С. Аксакова к родным от 10–11 ноября 1848 г. из Одессы, где творчество Гоголя осмыслиется как органично связанное с народным бытом (согласно ответному письму С. Т. Аксакова к сыну от 22 ноября 1848 г., при чтении этого письма присутствовал сам Гоголь). И. С. Аксаков писал: «...Малороссия произвела на меня приятное впечатление. Везде так и торчит Гоголь с своими “Вечерами на хуторе близ Диканьки”. Тут только вы почувствуете все достоинство, всю верность этих описаний... <...> На одной станции <...> удалось мне разговориться с одним хохлом. Я спросил его про разные песни и обычаи, знает ли он “Щедрый вечер, Добрый вечер” и многое другое... <...> Оказалось, что знает, но говорит, что все уже выводится, что на вечерницы и для игр на улицы собираться им не велят, боясь от того беспорядков <...> что коляды почти совсем затихли, ибо это грешно и делается накануне праздника в противность церковным уставам и пр.¹ <...> Сколько языческого во всех этих празднествах и обычаях! Да, наш народ принял Христианство как младенец; он не освятил его именем, как западные народы, диких, свирепых побуждений, не устроил во имя христианства нехристианские учреждения, — но не переменял веселой стороны своего языческого быта. <...> Но строже и строже становится время; не может, не должен народ оставаться в этом состоянии бессознательного, цельного быта... Конечно, каждому отдельному лицу с первых годов Христианства до последнего времени возможно было путем веры и труда освободиться от своего быта и достичь полного личного усовершенствования; но эту возможность сохранили для человечества, на эту возможность указывали только монастырь и пустыня... Долго, не смущаясь, продолжился этот беспечный быт, — но время напирает. Нельзя же всем идти в монахи или удалиться в пустыни; да при этом куда бы девалась семья? Но где же она, эта граница примирения быта с требованиями религии?.. Под корень подрублена вера в жизнь, со всею ее красою, со всеми ее правами; повеял свежий, редкий воздух, от которого замирает дух, где нет земной человеческой жизни. Надо жить, отвергая жизнь... Рушится быт повсюду; взамен тепла предложен воздух горних высот, где так страшно высоко; а как хорошо иногда бывало внизу!.. Конечно, еще да-

---

¹ О том, как соотносится это наблюдение И. С. Аксакова с содержанием «Ночи перед Рождеством», см.: [Виноградов 2009а: 520–521].

леко до этого преобразования; но уже вместились в нас это убивающее жизнь понимание... Последние времена искусства пришли... Где же ты, Алешка (герой незавершенной поэмы И. С. Аксакова “Бродяга”. — И. В.), торопись жить, пока еще есть время; пусть еще пишутся стихи; покуда их слушают; скоро раздастся последняя лебединая песнь...» [Аксаков И. С. 1988: 402, 405–406].

Очевидно, что из тезиса о невозможности соединения христианства и «художества», христианства и народного быта у И. С. Аксакова вытекает представление о полужыческом характере повестей Гоголя из украинской жизни. Смешивая миросозерцание изображаемых героев с позицией самого автора, он, очевидно, никакого нравоведения в высокохудожественных «Вечерах...», полных «верных описаний», не видит. Между тем, как показывает исследование, уже с самого первого своего сборника Гоголь вступает в литературу как глубокий оригинальный мыслитель, связанный с православной отечественной традицией [Виноградов 2000а: 6–88; 2009а: 520–521]. Об особом замысле своих ранних повестей свидетельствовал сам писатель. Незадолго до получения Аксаковыми цитированного письма И. С. Аксакова Гоголь, сообщая о своей работе над вторым томом «Мертвых душ», писал графине А. М. Виельгорской: «Хотелось бы <...> заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочинениях. Их не всякий заметил...» [Гоголь 2009–2010. 15: 132]. Ранее, весной 1845 г., Гоголь не без горечи писал С. С. Уварову, что все доселе им написанное потому «не стоит большого внимания», что, «хоть в основание его легла и добрая мысль, но выражено все <...> незрело, дурно», «ничтожно», «не так, как бы следовало» [Гоголь 2009–2010. 13: 104].

Показательно, что в 1849 г. И. С. Аксаков советует Гоголю прочесть «стихотворения Григория Богослова», напечатанные в одном из томов Творений Святых Отцов за 1847 г. «Это решительный поэт, — восклицает Иван Аксаков в письме к родным от 6 августа 1849 г. — Как я ему обрадовался! Советую Константину обратить на него внимание и Гоголю также. Видно, что он наслаждается сам красотой образов и выражений» [Аксаков И. С. 1888b: 209]. Желая представить Гоголю образец соединения христианства и искусства, И. С. Аксаков в следующем письме к родным, от 20 августа 1849 г., напоминает: «Кланяюсь Гоголю.

Заставьте его прочесть стихотвор<ения> Григ<ория> Богослова» [Аксаков И. С. 1994: 47].

Но характер гоголевского художественного учительства или нравочужения в образах до конца не был понятен и Ивану Аксакову. В письме к родным от 9 июля 1850 г. он замечал: «В Данилове я нашел себе письмо от А<лександр> О<сиповны> <Смирновой>. Она пишет <...> что Гоголь, вероятно, поселится на Афонской горе и там будет кончать “Мертвые Души” (как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость, по-моему: среди строгих подвигов аскетов он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках и проч.)» [Аксаков И. С. 1888b: 334–335]. По-видимому, в возможный христианский подтекст, пронизывающий гоголевское изображение «языческого» быта, Иван Аксаков в это время уже не верит.

Как известно, Константин Аксаков в своих воззрениях ни в чем не отставал ни от отца, ни от брата, а в каких-то оценках даже «опережал» их. Сам он в мае 1848 г. писал Гоголю: «Ваши важные и еще более важничающие письма, с их глубокомыслием, часто наружным, часто ложным, ваши благотворительные поручения с их неискреннею тайной, <...> наконец, ваша книга <...> далеко оттолкнули меня от вас. Я нападал на вас и дома и в обществе почти так же горячо, как прежде стоял за вас» [Гоголь 2009–2010. 15: 81]. При этом К. С. Аксаков заявлял: «Я оставил немецкую философию, русская жизнь и история стали мне еще ближе, и главное, основное для меня то, о чем вы думаете и говорите, — вера, православная вера». Признаваясь в этом, Аксаков отношений к учительству Гоголя не переменял: как прежде не считался с религиозным замыслом «Мертвых душ», так и теперь подлинной веры в самом Гоголе не видел. «...Учение ваше ложное, лживое, совершенно противоположное искренности и простоте», — заявлял он в письме к Гоголю [Гоголь 2009–2010. 15: 81].

Зная «неистовый» характер своего брата, Иван Аксаков в письме к родным от 29 ноября 1849 г. замечал: «Пользуйтесь хорошим расположением Гоголя, поддерживайте его, пусть его пишет. Не надо, чтобы Константин разрушал в нем всякую веру в искусство (т. е., очевидно, веру в возможность соединения искусства с христианством. — *И. В.*)... Я вполне разделяю взгляд Константина, а все-таки счастлив, когда пишу» [Аксаков И. С. 1994: 366]. Ранее, в письме к родным от 30 августа 1849 г., получив известие от А. О. Смирновой о чтении Гоголем второго тома

«Мертвых душ», И. С. Аксаков замечал: «Говорит, что 1-й том перед тем, что написано и что только набросано, совершенно побледнел. — Может быть, Константин и махнет рукой, но я просто освежился этим известием; нужно давно обществу блистание Божьих талантов на этом сером, мутном горизонте. <...> Нельзя сердиться на Гоголя, что он Вам не читал Мертвых Душ. Он видит в настоящее время, что Вы и Константин мало заботитесь о его производительности и не ждете от него ничего; даже не видит уважения к прежним проявлениям своего таланта. — Впрочем, я уверен, что Вы, милый Отесинька, обрадуетесь этому известию, да и Константин тоже» [Аксаков И. С. 1994: 51].

9. Гоголь и Аксаковы в отношении к поэмам Гомера

Представление Гоголя об учительном характере поэм Гомера, то есть представление о возможности соединения «нравоучения» и подлинной художественности в противовес представлениям К. С. Аксакова об «эпическом», по сути, бессознательном, «созерцании» Гомера, очевидно, лежали и в основе разногласий Гоголя с Аксаковыми при восприятии перевода «Одиссеи» В. А. Жуковского. Как следует из статьи Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским», он ценил этот перевод чрезвычайно высоко. Подчеркивая важность «Одиссеи» Гомера для упрочения народного быта, писатель считал ее определенно важнее отвлеченных споров друзей о славянских началах. Поэтому, отстаивая заключенные в самой поэме Гомера древние патриархальные начала, Гоголь сходным образом противопоставлял суждениям К. С. Аксакова содержание русского «Домостроя» — с описанным в этом памятнике сходным народным бытом: «Эти книги больше всего знакомят с тем, что есть лучшего в русском человеке. Они гораздо полезнее всех тех, которые пишутся теперь о славянах и славянстве людьми, находящимися в броженьях, в переходных состояниях духа, возрастах, подвластных воображенью, обольщеньям самолюбивого ума и всяким пристрастьям» (письмо к графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г. [Гоголь 2009–2010. 15: 170–171]). В этом отношении Гоголь, считавший, что правды «больше» на стороне славянофилов, чем западников (статья «Споры» [Гоголь 2009–2010. 6: 52]), очевидно, был в еще большей степени «славянофилом», чем сами Аксаковы.

Напротив, С. Т. Аксаков 29 июля 1846 г. писал сыну Ивану по поводу напечатанной в «Московских Ведомостях» гоголевской статьи: «Ты читал статью Гоголя? Как хороша! <...> Впрочем, я не верю в такое достоинство перевода и еще менее в *такое* действие “Одиссеи” на всех» [Гоголь в неизданный переписке...: 683–684]. Тогда же и К. С. Аксаков в письме к брату Ивану сообщал, что полная «глубины истины и красоты» статья Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» тем не менее «совершенно ложна» в своей мысли о влиянии этого произведения, с которой никто не согласен [Аксаков И. С. 1988: 633]. В. С. Аксакова 29 июля 1846 г., в свою очередь, писала И. С. Аксакову: «Жуковский прислал какие-то стихи в сборник: “Египетская мгла”, но ничего особенного в них. Это заставляет нас сомневаться в справедливости похвал Гоголя переводу “Одиссеи” Жуковского» [Гоголь в воспоминаниях 2: 849]. Самому Гоголю С. Т. Аксаков в конце ноября — 9 декабря 1846 г. писал: «Статья ваша, напечатанная в “Моск<овских> Вед<омостях>”, о переводе “Одиссеи”, заключая в себе много прекрасного, в то же время показывала ваш непростительно ошибочный взгляд на то действие, какое вы ему предсказываете с самоуверенностью, догматически. Похвалы ваши переводу превзошли не только меру, но и самую возможность достоинства такого труда» [Гоголь 2009–2010. 13: 457].

Позднее разногласия по поводу перевода «Одиссеи» Жуковского только усилились. 22 ноября 1848 г. С. Т. Аксаков сообщал И. С. Аксакову: «Гоголь получил от Жуковского печатный экземпляр первых 12 песен “Одиссеи”. Гоголь прочел нам сам почти половину. На Гоголя любо смотреть. Когда он читает, то вполне наслаждается необъятным творчеством Гомера и художественным переводом. Последнего мнения я и Константин с Гоголем не разделяем. Перевод, точно, хорош и во многих местах изящен, но зато много имеет и грубых недостатков...» [Гоголь в воспоминаниях 2: 712, 714]. Спустя несколько дней, 28 ноября 1848 г., С. Т. Аксаков вновь извещал сына: «Мы прочли все 12 песен “Одиссеи”. Стих вообще очень хорош, и есть места даже превосходные, но в частностях можно сделать много замечаний, которые и были деланы мной и особенно Константином, всегда доказывавшим неверность перевода сличением его с подлинником. Гоголь сначала принимал эти замечания очень хорошо, убеждался в их справедливости и просил всё записывать для сообщения Жуковскому; но впоследствии стал раздражаться словами Константина...» [Гоголь в воспоминаниях 2: 714].

Возможно, критика Аксаковыми перевода Жуковского побудила Гоголя, после прочтения первых двенадцати песен «Одиссеи», прибегнуть к другому источнику — переводам Гомера в книге А. Ф. Мерзлякова «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (М., 1825–1826. Т. 1–2). 15 августа 1849 г. В. С. Аксакова сообщала брату Ивану: «Теперь у нас Гоголь и все читает разных русских старых писателей. Читает все переводы Гомера, Мерзлякова, и Константин, забывая свои теории, восхищается вместе с Гоголем и со всеми нами» [Материалы по истории: 114]. С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» также вспоминал, что Гоголь с 14 по 17 августа 1849 г. «по вечерам читал с большим одушевлением переводы Мерзлякова древних, особенно гимны Гомера ему нравились» [Гоголь в воспоминаниях 2: 652]. 20 августа 1849 г. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской: «После <...> обеда все время почти проходило в чтении старинных русских писателей; читали много прекрасных переводов Мерзлякова с греческого Гомера, и других, и вместе с Гоголем все восхищались» [Гоголь в неизданной переписке...: 717].

В ноябре 1849 г. С. Т. Аксаков вновь извещал сына Ивана: «Гоголь прислал нам последние 12 песен “Одиссеи”, и мы начали читать их с наслаждением, но о переводе можно много заметить» [Неизданные письма: 806]. Самому Гоголю С. Т. Аксаков опять-таки указывал на недостатки перевода: «По-моему, перевод первых 12-ти песен лучше относительно языка. Нередко укалывалось мое эстетическое чувство Жуковским, который торчит из Гомера» [Гоголь 2009–2010. 15: 278–279]. В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксаков вспоминал: «Гоголь в эту зиму прочел нам всю Одиссею, переведенную Жуковским. Он [слепо] слишком восхищался этим переводом, что высказал уже печатно в Московских Ведомостях. Я и Константин были [не согласны] не совсем согласны с ним. Разумеется, это было ему неприятно, но он не показывал никакого неудовольствия. Один раз, когда мы высказали ему немалое число самых неопровержимых замечаний на перевод Одиссеи, Гоголь сказал: “Напишите все это и пошлите Жуковскому; он будет вам очень благодарен”» [Гоголь в воспоминаниях 2: 651].

Константин Аксаков в письме к брату Ивану от 28 ноября 1848 г. высказывался о переводе Жуковского весьма решительно: «Получена “Одиссея” Жуковского. Это не Гомер. Мудрованья премного, особенно в начале. Гоголь даже стал уж соглашаться. Из нескольких слов о нашей старине увидел я, что Гоголь ее самонадеянно не понимает. Если все

это так, то, я думаю, не будет прока от его деятельности...» [Гоголь в неизданной переписке: 715].

В итоге 14 декабря 1849 г. Гоголь сообщал Жуковскому из Москвы: «Появление “Одиссеи” было не для настоящего времени. Ее приветствовали уже отходящие люди, радуясь и за себя самих, что еще могут чувствовать вечные красоты Гомера, и за внуков своих, что им есть чтение светлое, не отемняющее головы. Я знаю людей, которые несколько раз сряду прочли “Одиссею” с полной признательностью и глубокой благодарностью к переводчику. Но таких (увы!) немного. Никакое время не было еще так бедно читателями хороших книг, как наступившее. Шевырев пишет рецензию; вероятно, он скажет в ней много хорошего, но никакие рецензии не в силах засадить нынешнее поколение, обмороченное политическими брожениями, за чтение светлое и успокаивающее душу. Временами мне кажется, что II-й том “Мерт<вых> душ” мог бы послужить для русских читателей некоторою ступенью к чтению Гомера» [Гоголь 2009–2010. 15: 287].

10. Гоголь об истоках своего творчества и оценка составляющих гоголевской поэтики Аксаковыми

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь в числе источников русской поэзии и своего творчества указывал пословицы и слово церковных пастырей, народную песню и церковные песни и каноны, а также важнейшее политическое событие в истории России — принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства. Это событие, породившее, по Гоголю, «необыкновенный», «высокий лиризм» одической поэзии Ломоносова и Державина, поставило Россию перед лицом ее истинного призвания — быть Священной Империей, главным назначением которой является «стремление к свету», то есть спасение душ подданных, «приближение инога Царствия» [Гоголь 2009–2010. 6: 41, 157, 195]. Еще в 1834 г. в статье «Несколько слов о Пушкине» он замечал: «Русская история только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость...» [Гоголь 2009–2010. 7: 276]¹. По словам Гоголя, дошедшим до нас в вос-

---

¹ Об отношении Гоголя к Москве как Третьему Риму см.: [Виноградов 2000b; 2018b].

поминаниях архимандрита Феодора (Бухарева), «оживлению» Чичикова в завершении «Мертвых душ» должен был послужить «прямым участием сам Царь» [Феодор (Бухарев), архимандрит, 1861: 138–139]¹.

Из указания самого писателя на истоки его поэтики с определенностью следует вывод о вполне сознательном и религиозном характере гоголевского творчества. Однако в сравнении с авторским взглядом на себя как писателя в представлениях о гоголевском таланте Аксаковых, наряду с заимствованным у Белинского представлением о «бессознательности» художника, существовал еще целый ряд принципиальных расхождений. О критическом отношении семейства Аксаковых, отца Сергея Тимофеевича и его сыновей Константина и Ивана, к религиозности Гоголя, скептицизме по поводу его «нравственно-наставительного» направления, следования традициям «слова церковных пастырей», уже говорилось. Отношение Аксаковых к другой важнейшей составляющей поэтики Гоголя — религиозно-политической, т. е. к государственному мышлению писателя — тоже было резко критическим.

В монархическом, важнейшем для Гоголя вопросе у Аксаковых, несмотря на диссертацию Константина Аксакова о Ломоносове, единодушия с писателем тоже не было. Подразумевая гоголевскую статью «О лиризме наших поэтов. (Письмо к В. А. Жуковскому)», И. С. Аксаков в письме к родным от 18 января 1847 г. замечал: «Досадно <...>, что помещено письмо о доме Романовых и государе» [Аксаков И. С. 1988: 344–345]. В следующем письме, от 25 января 1847 г., он добавлял: «...Я <...> при чтении книги <Гоголя> сильно смущался <...> похвалами дому Романовых...» [Аксаков И. С. 1988: 347]. С. Т. Аксаков в письме к сыну от 30 января 1847 г. в свою очередь, сообщал, что «прочитав в другой раз статью *О лиризме наших поэтов*, <...> впал в такое ожесточение, что <...> написал целое письмо» к Гоголю, «горячее и резкое» [Аксаков С. Т. 1960: 168] (имеется в виду письмо от 27 января 1847 г. [Гоголь 2009–2010. 14: 91–92]). В. С. Аксакова в письме к М. Г. Карташевской от 20 января 1847 г. высказывалась еще откровеннее: «Если ты читала книгу Гоголя, то, вероятно, была поражена словами о Царе, но я убеждена, что это вытекает из его религиозных взглядов и просто есть сума<с>шествие, иначе это было бы ужасно насколько отвратительно, но это не может быть» [Гоголь в воспоминаниях 2: 856]. К. С. Аксаков 21 мая 1848 г. также писал Гоголю: «...Самые мысли ваши ложны; вы

---

¹ См. подробнее [Виноградов 2001a].

дошли до невероятных положений. <...> Таково письмо ваше к Жуковскому, письмо, так сильно противоречащее, по-моему, вере православной» [Гоголь 2009–2010. 15: 82]. (В апреле 1848 г., К. С. Аксаков, возражая на статью Гоголя, писал: «...Россия *никогда не обоготворяла* Правительства, никогда не верила в его совершенство и совершенства от него не требовала, никогда не ставила его целью своих стремлений, смотрела на него как на дело второстепенное, считая первостепенным делом *Веру* и спасение души, — и поэтому революция чужда совершенно России, и существующий законный порядок в ней крепок. <...> Но Россия подверглась влиянию Запада, и обожание Правительства, этот грех, ведущий за собою казнь свою, революцию, вошел отчасти и к нам. <...> ...Правительство, заимствуя у него <у Запада> материальные усовершенствования, в то же время внесло в Русскую жизнь Западные понятия о власти... <...> Часть России, увлекшаяся Западом, ту же минуту поклонилась пред Правительством, как пред кумиром... <...> Я разумею здесь [вовсе не либералов только или людей, разделяющих все последние мнения Запада, но] всех, которые следуют какому бы то ни было Западному направлению, хотя самому консервативному; также я разумею здесь всех, которые, хотя и не толкуют о Западе, но оторваны от народа, теряют Русские основы быта и потому поневоле связаны с Западом и могут пойти его путем...» [Аксаков К. С. 1992: 297, 299–300]¹).

Не случайно, А. О. Смирнова, сообщая в 1847 г. Гоголю о неприятии Аксаковыми его последней книги, не без раздражения замечала о них: «Ненависть к власти, к общественным привилегиям, к высокому рождению и богатству — таковая-то отвлеченная страсть к идеальному русскому, таящемуся в бороде, — вот начало этих господ» (письмо от 18 февраля [Гоголь 2009–2010. 14: 165]).

Чрезвычайно важно и указание Гоголя в числе источников русской поэзии на народную песню. Это указание, помимо прочего, может служить ключом к пониманию характера гоголевских лирических отступлений в первом томе «Мертвых душ». Несомненно, одним из поводов

---

¹ Статья «Голос из Москвы» предназначалась для распространения; сохранилось шесть ее автографов. Очевидно, был знаком с ней и Гоголь. К. С. Аксаков в письме к брату Г. С. Аксакову писал: «Как жалею я, что Иван не взял с собою моей статьи “Не сотвори себе кумира (голос из Москвы)”»; эта статья дала бы вам ясное понятие о моих гражданских мыслях» [Кошелев 1992: 308].

для отмеченного «оптимизма» К. С. Аксакова в восприятии «пошлых» героев «Мертвых душ» были как раз эти лирические отступления. Во всяком случае Ю. Ф. Самарин в письме к К. С. Аксакову от второй половины октября 1842 г. (которое Константин Аксаков посылал Гоголю в Рим), замечал: «Конечно, в первом томе “Мертвых душ” мы видим ее темную сторону; но, не говоря о тех прекрасных лирических местах, в которых сам поэт разоблачает закрытую для нас и всю облитую светом ее другую сторону, предположивши даже, чего не дай Бог, что мы никогда ее не увидим, и тогда вы не имеете права убивать в себе наслаждение и сокрушаться» [Гоголь 2009–2010. 12: 231].

Однако позднее сам Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» указывал, что он вкладывал в лирические отступления не только «мажорное», но и «минорное» звучание, и что в этом смысле читатели поняли его неправильно. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» он замечал: «Я предчувствовал, что все лирические отступления в поэме будут приняты в превратном смысле. <...> Разумею то место в последней главе, когда, изобразив выезд Чичикова из города, писатель, на время оставляя своего героя среди столбовой дороги, становится сам на его место и, пораженный <...> грустной песней, несущейся по всему лицу земли Русской от моря до моря, обращается в лирическом воззвании к самой России... <...> Слова эти были приняты за гордость и доселе неслыханное хвастовство, между тем как они ни то, ни другое. Это просто нескладное выражение истинного чувства. Мне и доньше кажется то же. Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Звуки эти вьются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущает в себе того же». «Кому при взгляде на эти пустынные, доселе не заселенные и бесприютные пространства, — добавлял Гоголь, — не чувствуется тоска, кому в заунывных звуках нашей песни не слышатся болезненные упреки ему самому — именно ему самому, — тот или уже весь исполнил свой долг как следует, или же он нерусский в душе» [Гоголь 2009–2010. 6: 77–78].

Начиная с Шевырева, Белинского и Аполлона Григорьева, общим местом исследовательских работ о Гоголе стало указание на определенное соответствие концепции «Миргорода» целостному замыслу «Мертвых душ» — в критической и утверждающей частях поэмы (со-

ответствующих первому и последующим, предполагаемым ее томам). Шевырев, первый обративший внимание на это соотношение, в 1842 г. писал о первом томе поэмы: «Талант Гоголя был бы весьма односторонен, если бы ограничивался одним комическим юмором, если бы обнимал только одну низкую сферу действительной жизни... <...> Вспомним, что одно и то же перо изобразило нам ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, старосветских помещиков и Тараса Бульбу. Художественный талант Гоголя совершил такие замечательные переходы, когда жил и действовал в сфере своей родной Малороссии. По всем данным и по всем вероятностям должно предполагать, что те же самые переходы совершит он и в новой огромной сфере своей деятельности, в жизни Русской... <...> Если “Ревизор” и первая часть “Мертвых душ” соответствуют Шпоньке и знаменитой ссоре двух Малороссов, то мы вправе ожидать еще высоких созданий в роде “Тараса Бульбы”, взятых уже из Русского мира» [Шевырев 1842b: 356–357].

Примечательно, что Шевырев перечислил в этой статье повести «Миргорода» не по их расположению в сборнике, но по времени создания, что оказалось вполне соответствующим замыслу первого и последующих томов «Мертвых душ». Последняя по времени создания повесть в сборнике (не упомянутая Шевыревым) — «Вий» — стала своеобразным «прологом» к новому обращению Гоголя к изображению демонического мира «пошлости» в первом томе «Мертвых душ»: «уродливые» помещики поэмы обнаруживают переключки не только с героями-«чудовищами» «Повести...» о ссоре, но и с демоническим содержанием «Вия» — под обыкновенной, «пошлой» действительностью обнаруживается «ужасное».

Подводя итог размышлениям над «заунывными» звуками русской песни, Гоголь в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» заключал: «Но высшая сила меня подняла: проступков нет неисправимых, и те же пустынные пространства, нанешие тоску мне на душу, меня восторгнули великим простором своего пространства, широким поприщем для дел. От души было произнесено это обращение к России: “В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему?” Оно было сказано не для картины или похвальбы: я это чувствовал; я это чувствую и теперь. В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем» [Гоголь 2009–2010. 6: 80].

Именно так — через «трагизм», через веру в воскрешение «мертвых душ» — проходил Гоголь, судя по его размышлениям о народной песне, путь к тому «оптимизму», который так легко и сразу достался Константину Аксакову при восприятии героев гоголевской поэмы.

11. Аксаковы как герои «Мертвых душ»

Определенная недооценка религиозной, учительной стороны творчества Гоголя Аксаковыми, своего рода «недоверие» к ней, по-видимому, нашла отражение и в самом содержании второго тома «Мертвых душ». Своеобразным ответом Аксаковым на их «простодушное богомольство и набожность, которым дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею» (строки письма Гоголя к С. Т. Аксакову 18 августа (н. ст.) 1842 г. [Гоголь 2009–2010. 12: 110]), служит в поэме образ помещика Петра Петровича Петуха, в создании которого Гоголь воспользовался многими чертами семейства Аксаковых и самого Сергея Тимофеевича [Виноградов 2007: 105–109]. Оставляем здесь открытым вопрос о возможном отражении аксаковского быта в «Старосветских помещиках» [Виноградов 2000b: 117–119] и в образе Коробочки в первом томе «Мертвых душ». Заметим только, в критической оценке семейства Аксаковых Гоголь был не одинок. Ранее уже приводилась резкая оценка Аксаковых — оппозиционных «господ» — А. О. Смирновой, а также неприязненный отзыв о Константине Аксакове Погодина (Погодин называл Аксакова «болтуном», увлекающимся поочередно то Гегелем, то «Мертвыми душами», то лекциями западника Т. Н. Грановского, то чтениями по русской словесности С. П. Шевырева). В дневнике Погодина сохранились также негативные отзывы (очевидно, не всегда справедливые) о других членах семьи Аксаковых. Так, 5 марта 1841 г. у Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны умер семнадцатилетний сын Михаил. 16 апреля 1841 г. Погодин записал в дневнике: «Домашняя досада на О<льгу> С<еменовну>, которая просто блажит, забывает о девяти живых, чтоб плакать об одном»¹. По-видимому, об этом Погодин написал тогда Гоголю (письмо не сохранилось), который 15 мая (н. ст.) 1841 г. отвечал: «Ужасно жалко мне Аксаковых, не потому только, что у

¹ Погодин М. П. Дневник. 1840–1845 // РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 36–36 об.

них умер сын, но потому, что безграничная привязанность до упоенья к чему бы ни было в жизни есть уже несчастье. Так мало знать жизнь, чтобы не помнить, <...> что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается нам... <...> Неблагодарен человек» [Гоголь 2009–2010. 11: 346]. Еще две реплики об Аксаковых в дневнике Погодина также могут служить объяснением, почему черты их семейства нашли отражение в образах «Мертвых душ»: «Декабрь. <...> 5. <1849>. <...> Вечер у Акс<аковых>, где я испытываюсь злобою против невежества и барства»¹. Двумя месяцами ранее: «Сентябрь. <...> 20. <1849>. <...> Обед<ать> опять к Акс<аковым>. — Гадко смотреть на наших помещиков. — Совершенные свиньи, а эти еще добрые»². В третьей статье «по поводу “Мертвых душ”» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал одному из своих друзей — людей «прекрасных», тех, что «считали себя лучшими»: «...Мне хотелось попробовать, что скажет вообще русский человек, если его попотчевашь его же собственной пошлостью. <...> Тут, кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей, есть и твои» [Гоголь 2009–2010. 6: 83].

Подводя итог наблюдений, можно сказать, что в споре В. Г. Белинского с К. С. Аксаковым о характере гоголевской поэмы более созвучными гоголевским воззрениям были взгляды последнего, сумевшего увидеть действительно позитивную основу отрицательных образов поэмы. Открытием Константина Аксакова стало понимание того, что бытие героев этой поэмы изображено не как жизнь, подлежащая уничтожению, но как жизнь, которой следует дорожить, несмотря на ее несовершенство. Точка зрения Аксакова впоследствии нашла отра-

---

¹ РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 34. Ед. хр. 1. Л. 55 об.

² Там же. Л. 52 об. — Цитированные строки из дневника М. П. Погодина были впервые опубликованы Н. П. Барсуковым: «В письмах И. С. Аксакова <1849 г. из Ярославля> <...> нас поражает в нем та ненависть к древнему боярству и дворянству, которая совершенно не согласуется с домашним бытом его родителей, родных и всех друзей их и единомышленников. Что если бы И. С. Аксакову довелось прочесть следующие записи в *Дневнике* Погодина, касающиеся его родительского дома: “Обедать опять к Аксаковым. Гадко смотреть на наших помещиков, — совершенные свиньи, а эти еще добрые. Отыграл сто рублей. Смешон Николай Тимофеевич Аксаков своими предводительскими подвигами. Вечер у Аксаковых, где я напитываюсь злобою против невежества и барства” (Дневник 1849, под 20 сентября; 5 декабря)» [Барсуков. Кн. 10: 514].

жение в известной работе о Гоголе М. М. Бахтина: «Явление, принадлежащее малому времени, может быть чисто отрицательным, только ненавистным, но в большом времени оно амбивалентно и всегда любо, как причастное бытию. Из той плоскости, где их можно только уничтожить, только ненавидеть или только принимать, где их уже нет, все эти Плюшкины, Собакевичи и проч. перешли в плоскость, где они остаются вечно, где они показаны со всей причастностью вечно становящемуся, но не умирающему бытию» [Бахтин: 521].

Однако для постижения гоголевского замысла во всей полноте этого взгляда оказывается недостаточно, даже с точки зрения вечности. С самого начала писательской деятельности вера в народ сочеталась у Гоголя с трезвым пониманием падшести человеческой природы. Недооценка этого особого, религиозного характера критики Гоголем современного общества, к сожалению, не позволила К. С. Аксакову и его последователям постичь другую сторону замысла поэмы — как путь к возрождению и преображению «мертвых душ» современников. Понимание Гоголем и первыми критиками поэмы, Белинским и Аксаковым, жанра его главного произведения, еще раз свидетельствует о том, что в истории славянофильства и западничества Гоголь занимает исключительное место, поднимаясь не только над западниками, но и над близкими ему по взглядам славянофилами.

Список литературы

- <Аксаков И. С.> Примечание редактора / Письма В. Г. Белинского к К. С. Аксакову // Русь. 1881. 3 янв. № 8. С. 15.
- <Аксаков И. С.> Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 1. Письма 1839–1848 годов. 466 + 100 с. (а)
- <Аксаков И. С.> Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. Письма 1848–1851 годов. 410 + 57 с. (б)
- Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849 / Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. 704 с.
- Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. 654 с.
- Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова или Мертвые души. М., 1842. 19 с. (а)
- Аксаков К. Объяснение // Москвитянин. 1842. № 9. С. 220–229. (б)
- Аксаков К. Москве. (Отрывок) // Москвитянин. 1845. № 2. С. 108.
- <Аксаков К. С.> Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. Рассуждение кандидата Московского Университета *Константина Аксакова*, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения.

М.: В типографии Николая Степанова, 1846. (Печатать по определению Совета Московского Университета. Декабря 12 дня, 1845 года. Секретарь Совета Василий Спекторский.) 517 с. (а)

Аксаков К. С. > Семисотлетие Москвы // Московские Ведомости. 1846. 23 апр. № 49. С. 344–346. (б)

Аксаков К. С. О древнем быте у Славян вообще и у Русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте) // Московский Сборник. М., 1852. Т. 1. С. 51–140.

Аксаков К. С. Обзорение современной Литературы // Русская Беседа. Год второй. Кн. 5. 1857. № 1. <Отд. 4>. С. 1–39.

Аксаков К. С. Голос из Москвы / *Аксаков К. С.* Голос из Москвы. (1848). Западная Европа и народность. <1849>. (Подготовка текстов и примечания В. А. Кошелева) // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. <Вып. 1>. С. 297–305.

Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева. М., 1995. 526 с.

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / сост., вступ. статья и коммент. А. С. Курилова. М., 1982. 383 с.

<*Аксаков С. Т.*> История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение С. Т. Аксакова. / под ред. Н. М. Павлова. М., 1890. 206 с.

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем / Издание подготовили сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 296 с.

<*Аксакова В. С.*> Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. Редакция и примечания кн<язя> Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Приложение. СПб., 1913. 174 с.

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. 683 с.

Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб., 1888–1910. Кн. 6. 402 с.; Кн. 8. 630 с.; Кн. 10. 584 с.

<*Бартенев П. И.*> П. Б. Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский Архив. 1878. № 5. С. 47–87.

<*Бартенев П. И.*> П. Б. Из бумаг Александра Николаевича Попова // Русский Архив. 1886. № 3. С. 320–362.

<*Бартенев П. И.*> Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной. О Гоголе // Русский Архив. 1890. № 10. С. 227–232.

Бартенев П. И. Из писем И. С. Аксакова к А. О. Смирновой // Русский Архив. 1895. № 12. С. 423–480.

Бахтин М. М. Рабле и Гоголь. (Искусство слова и народная смеховая культура) // *Бахтин М. М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4(2). С. 510–521.

Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1976–1982. Т. 1–9.

<*Белинский В. Г., Боткин В. П.*> Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893.

Белинский в неизданной переписке современников (1834–1848) / Публикация и коммент. Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 56. М., 1850. С. 87–200.

Боратынский Е. А.. Материалы к его биографии. Из татевского архива Рачинских. Пг., 1916. 152 с.

Ботникова А. Б. Фарнгаген и русская литература // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1972. С. 96–114.

<Булгарин Ф. В.> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 19 апр. № 87. С. 345–347.

Виноградов И. А. Гоголь и Белинский: К истории полемики // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 1999. Вып. 4. С. 50–73.

Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миро-созерцания. М., 2000. 448 с. (а)

Виноградов И. А. Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. Сборник статей. М., 2000. С. 128–152. (b)

Виноградов И. А. Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001. Вып. 7. С. 77–93. (а)

Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М.: XXI век Согласие, 2001. 776 с. (b)

Виноградов И. А. Примечания // Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. С. 431–590. (с)

Виноградов И. А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 99–220.

Виноградов И. А. ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 1. С. 504–541. (а)

Виноградов И. А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 5. С. 531–572. (b)

Виноградов И. А. К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 419–445. (с)

Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 387–665. (d)

Виноградов И. А. Воспоминания о Гоголе и письма к нему графа А. П. Толстого (из неопубликованных материалов П. А. Кулиша) // Н. В. Гоголь и русская литература. Девятое Гоголевские чтения. М., 2010. С. 75–82.

Виноградов И. А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69. (а)

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18. (b)

Виноградов И. А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67. (с)

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 5. 1845–1847. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 928 с. (а)

Виноградов И. А. Значение Рима в наследии Гоголя // Творчество Н. В. Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. Семнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2018. С. 41–51. (b)

Виноградов И. А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224. (а)

Виноградов И. А. Славянофил-государственник. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 38–63. (б)

Виноградов И. А. Ю. Ф. Самарин как неизвестный адресат «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. К 200-летию мыслителя-славянофила // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 197–212. (с)

<Вяземский П. А., князь> В. «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2. С. 285–309.

Вяземский П. А., князь. Языков. — Гоголь // Санкт-петербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90. С. 417–422.

Вяземский П. А., князь. Несколько слов о народном просвещении в настоящее время // Полн. собр. соч. Князя П. А. Вяземского. <В 12 т.> Издание Графа С. Д. Шереметева. СПб., 1882. Т. 7. С. 16–27.

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954.

Гиллельсон М. Неизвестные публицистические выступления П. А. Вяземского и И. В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 120–134.

Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 392 с.

Гиллельсон М. И. Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л., 1980. С. 34–75.

Глебов С. И. Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич-Романовича) // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 548–560.

<Гоголь Н. В.> Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1. 712 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. В. Гиппиус, В. П. Петров, Н. Л. Степанов, Б. М. Эйхенбаум. 762 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 533–774.

Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1 502 с.

<Голохвастов Д. П.> Д. Голос в защиту Русского языка. (Статья, помещенная в № 11-м Журнала: Москвитянин, 1845). М.: В Университетской типографии, 1845. 90 с.

Г<реч Н. И.> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842. В типографии Университетской, в большую 8-ю д. л. 475 стр. // Северная Пчела. 1842. 22 июня, № 137. С. 546–547.

<Григорьев А. А.> Петербургский сборник. С. Петербург, 1846, в большую 8 // Финский Вестник. 1846. Т. 9. Май. Отд. V. С. 21–34.

Грот Я. К. Сергей Тимофеевич Аксаков в заботах о Гоголе // Русская Старина. 1887. № 1. С. 249–250.

<Грот Я. К., Плетнев П. А.> Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. 968 с.

Дмитриев М. О натуральной школе и народности // Москвитянин. 1848. № 9. С. 15–41.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 22. 408 с.; Т. 29. Кн. 1. 576 с.

Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). Париж, <1926>. 292 с.

Зеньковский В., проф., прот. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>. 261 с.

Игнатий Брянчанинов, святитель. Письма. М., 1993. Т. 7. 480 с.

Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный. Изд. подг. М. Д. Филин. М., 2002. 752 с.

<Катков М. Н.> Письма М. Н. Каткова к А. Н. Попову. 1843–1857 // Русский Архив. 1888. № 8. С. 480–499.

К<иреевский И. В.> Библиография // Москвитянин. 1845. № 1. <Отд. 10>. С. 1–5.

Кожин В. В. К методологии истории русской литературы (о реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 73–80.

Конишина Е. Н. Письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому // Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1939. Сб. 4. С. 202–207.

Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 82–100.

Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. 1840–1850-е годы. Л., 1984. 196 с.

Кошелев В. А. К. С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. <Вып. 1>. С. 306–312.

Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. 512 с.

Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976. 288 с.

Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.

Курилов А. С. В. Г. Белинский в жизни и творчестве. М.: Русское слово, 2012. 152 с.

Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: писатель — критика — читатель. М., 1984. 416 с.

<Масальский К. П.> Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Сын Отечества. 1842. № 6. Отд. 6. С. 1–30.

Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. По неизданным письмам к нему С. Т. Аксакова и его семьи. Сообщил А. А. Дунин // Русская Мысль. 1915. № 8. С. 107–131.

Неверов Я. Обзорение русских газет и журналов за первую половину 1835 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. № 8. С. 428–440.

Неизданные письма к Гоголю / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 797–836.

Некрасов И. С. Значение Гоголя в истории русской литературы // Некрасов И. С. О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции. Одесса. 1887. С. 19–38.

Панаев И. И. Литературные воспоминания. <Л.>, 1950. 472 с.

<Плетнев П. А.> Разбор новых книг. Новые сочинения // Современник. 1842. Т. 28. № 4. С. 82.

<Погодин М. П.> М. П. <Примечание к анонимной статье «Путевые впечатления»> // Москвитянин. 1843. № 7. С. 178.

Полевой Н. Похождения Чичикова, или мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Русский Вестник. 1842. №5, №6. Май и июнь. Отд. 3. С. 33–57.

Полевой П. Н. Век нынешний и век минувший. (Из очерков будущей истории литературы) // Исторический Вестник. 1887. № 4. С. 169–186.

Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. 822 с.

Попов В. П. Отношение Гоголя к брошюре К. Аксакова о «Мертвых душах» // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 47–54.

Попов Нил. Письма Юрия Федоровича Самарина. (1840–1845) // Русский Архив. 1880. Кн. 2. № 5–8. С. 241–332.

Похождения Чичикова, или мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Литературная Газета. 1842. 14 июня. № 25. С. 470–476.

Путевые впечатления // Москвитянин. 1843. № 7. С. 178–202.

Розен <Е. Ф.>, барон. Поэма Н. В. Гоголя об Одиссее // Северная Пчела. 1846. 14 авг. № 181. С. 722–723.

Розенблюм Н. Белинский в неизданной переписке современников // Русская литература. 1962. № 1. С. 195–211.

Самарин Ю. Ф. Соч.: <в 12 т>. М., 1911. Т. 12: Письма, 1840–1853. 478 с.

<Сенковский О. И.> Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя // Библиотека для Чтения. 1842. Т. 53. Ч. 2. № 8. Отд. 6. С. 24–54.

Симонова И. А. Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. 335 с.

<Соллогуб В. А., граф>. Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба. (Читано в публичном заседании Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском университете 28 марта 1865 г.) // Русский Архив. 1865. № 5, № 6. Стб. 735–772.

Степанов Н. Л. Гоголь // История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 7. С. 129–260.

Студитский А. Русская словесность в 1845 году // Москвитянин. 1846. № 1. С. 225–262.

<Феодор (Бухарев А. М.), архимандрит>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861. 262 с.

Феодор (Бухарев А. М.), архимандрит. О героях поэмы «Мертвые души» // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. М.: К единству! 2004. С. 205–230.

<Фридлиндер Г. М.> Примечания // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. <Л.>: АН СССР, 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подготовили Р. Б. Заборова, А. Н. Михайлова, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлиндер. С. 583–665.

Хомяков А. С. Письмо в Петербург о выставке // Москвитянин. 1843. № 7. С. 211–222.

Хомяков А. С. Опера Глинки Жизнь за Царя // Москвитянин. 1844. № 5. С. 98–103.

Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах. Письмо к приятелю // Московский Сборник. 1846. С. 145–198.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: <в 8 т.>. М., 1900. Т. 8. 480 с.

Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7. С. 207–228. (a)

Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8. С. 346–376. (b)

Шевырев С. Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 274–298.

Шевырев С. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. <Отд. 2>. С. 1–29.

Шевырев С. Теория смешного, с применением к Русской комедии // Москвитянин. 1851. № 1. С. 106–120.

Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1898. Т. 4. 978 с.

References

Aksakov I. S. *Primechanie redaktora. Pis'ma V. G. Belinskogo k K. S. Aksakovu* [Editor's Note. Letters by V. G. Belinsky to K. S. Aksakov]. *Rus'*, 1881, January 3, p. 15. (In Russ.)

Aksakov I. S. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters]. Moscow, 1888, part 1, vol. 1, letters of 1839–1848. 466 + 100 p. (a) (In Russ.)

Aksakov I. S. *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters]. Moscow, 1888, part 1, vol. 2, letters of 1848–1851. 410 + 57 p. (b) (In Russ.)

Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849], the publication was prepared by T. F. Pirozhkova. Moscow, 1988. 704 p. (In Russ.)

Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Letters to relatives. 1849–1856], the publication was prepared by T. F. Pirozhkova. Moscow, 1994. 654 p. (In Russ.)

Aksakov K. *Neskol'ko slov o poeme Gogolia: Pokhozhdeniia Chichikova ili Mertvyie dushi* [A few words about Gogol's poem: Adventures of Chichikov or Dead Souls]. Moscow, 1842. 19 p. (a) (In Russ.)

Aksakov K. *Ob'iasnenie* [Explanation]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1842, № 9, pp. 220–229. (b) (In Russ.)

Aksakov K. *Moskve. (Otryvok)* [Moscow. (Excerpt)]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1845, № 2, p. 108. (In Russ.)

Aksakov K. S. *Lomonosov v istorii russkoi literatury i russkogo iazyka. Rassuzhdenie kandidata Moskovskogo Universiteta Konstantina Aksakova, pisannoe na stepen' magistra filosofskogo fakul'teta pervogo otdeleniia* [Lomonosov in the history of Russian literature and the Russian language. The reasoning of the candidate of Moscow University Konstantin Aksakov, written for a master's degree in philosophy at the first department]. Moscow: In the printing house of Nikolai Stepanov Publ., 1846. 517 p. (a) (In Russ.)

Aksakov K. S. *Semisotletie Moskvyy* [The Seventieth Anniversary of Moscow]. *Moskovskie Vedomosti* [Moscow Gazette], 1846, April 23, № 49, pp. 344–346. (b) (In Russ.)

Aksakov K. S. *O drevnem byte u Slavian voobshche i u Russkikh v osobennosti (po povodu mnenii o rodovom byte)* [On the ancient life among the Slavs in general and among

the Russians in particular (regarding opinions about the tribal life)]. *Moskovskii Sbornik* [Moscow Collection], Moscow, 1852, vol. 1, pp. 51–140. (In Russ.)

Aksakov K. S. *Obozrenie sovremennoi Literatury* [Review of modern Literature]. *Russkaia Beseda* [Russian Conversation, second year, book 5, 1857, № 1, department 4, pp. 1–39. (In Russ.)

Aksakov K. S. *Golos iz Moskvy, Aksakov K. S. Golos iz Moskvy. (1848). Zapadnaia Evropa i narodnost'. 1849* [Voice from Moscow, Aksakov K. S. Voice from Moscow. (1848). Western Europe and nationality. 1849], preparation of texts and notes by V. A. Koshelev. *Literatura i istoriia. (Istoricheskii protsess v tvorcheskom soznanii russkikh pisatelei XVIII–XX vv.)* [Literature and History. (The historical process in the creative mind of Russian writers of the 18th — 20th centuries)]. St. Petersburg, 1992, issue 1, pp. 297–305. (In Russ.)

Aksakov K. S. *Estetika i literaturnaia kritika* [Aesthetics and literary criticism], compilation, preparation of the text, introductory article, commentary by V. A. Koshelev. Moscow, 1995. 526 p. (In Russ.)

Aksakov K. S., Aksakov I. S. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism], compilation, introductory article and commentary by A. S. Kurilov. Moscow, 1982. 383 p. (In Russ.)

Aksakov S. T. *Istoriia moego znakovstva s Gogolem so vklucheniem vsei perepiski s 1832 po 1852 god. Sochinenie S. T. Aksakova* [The story of my acquaintance with Gogol with the inclusion of all correspondence from 1832 to 1852. Composition by S. T. Aksakov], edited by N. M. Pavlov. Moscow, 1890. 206 p. (In Russ.)

Aksakov S. T. *Istoriia moego znakovstva s Gogolem* [The story of my acquaintance with Gogol], the publication was prepared by the staff of the Abramtsevo Museum of the USSR Academy of Sciences E. P. Naselenko and E. A. Smirnova. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 296 p. (In Russ.)

Aksakova V. S. *Dnevnik Very Sergeevny Aksakovoi. 1854–1855* [Diary of Vera Sergeevna Aksakova. 1854–1855], editors and notes of Prince N. V. Golitsyn and P. E. Shchegolev. Application. St. Petersburg, 1913. 174 p. (In Russ.)

Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Moscow, 1989. 683 p. (In Russ.)

Barsukov N. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: v 22 kn.* [Life and works of M. P. Pogodin: in 22 books]. St. Petersburg, 1888–1910, book 6. 402 p., book 8. 630 p., book 10. 584 p. (In Russ.)

Bartenev P. I. *Iz bumag Stepana Petrovicha Shevyreva* [From the papers of Stepan Petrovich Shevyrev]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1878, № 5, pp. 47–87. (In Russ.)

Bartenev P. I. *Iz bumag Aleksandra Nikolaevicha Popova* [From the papers of Alexander Nikolaevich Popov]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1886, № 3, pp. 320–362. (In Russ.)

Bartenev P. I. *Iz vospominanii kniazheny V. N. Reprnoi. O Gogole* [From the memoirs of Princess V. N. Reprnina. About Gogol]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1890, № 10, pp. 227–232. (In Russ.)

Bartenev P. I. *Iz pisem I. S. Aksakova k A. O. Smirnovoi* [From the letters of I. S. Aksakov to A. O. Smirnova]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1895, № 12, pp. 423–480. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Rable i Gogol'. (Iskusstvo slova i narodnaia smekhovaia kul'tura)* [Rabelais and Gogol. (The art of words and folk laughter culture)]. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii: V 7 tomakh* [Collected Works: In 7 volumes]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2010, vol. 4 (2), pp. 510–521. (In Russ.)

Belinskii V. G. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected Works: In 9 Volumes]. Moscow: Fiction Publ., 1976–1982, vol. 1–9. (In Russ.)

Belinskii V. G., Botkin V. P. *Pis'ma V. G. Belinskogo i V. P. Botkina k A. A. Kraevskomu* [Letters from V. G. Belinsky and V. P. Botkin to A. A. Kraevsky]. *Otchet Imp. Publichnoi biblioteki za 1889 g.* [Report of the Imperial Public Library for 1889]. St. Petersburg, 1893, appendices, pp. 1–109. (In Russ.)

Belinskii v neizdannoi perepiske sovremennikov (1834–1848) [Belinsky in an unpublished correspondence of contemporaries (1834–1848)], publication and comments by N. G. Rosenblum. *Lit. nasledstvo* [Literary heritage], vol. 56. Moscow, 1850, pp. 87–200. (In Russ.)

E. A. Boratynskii. *Materialy k ego biografii. Iz tatevskogo arkhiva Rachinskikh* [E. A. Boratynsky. Materials for his biography. From the Tatev archive of the Rachinsky]. Petrograd, 1916. 152 p. (In Russ.)

Botnikova A. B. *Farnngagen i russkaia literatura* [Farnngagen and Russian literature]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Questions of literature and folklore]. Voronezh: Voronezh University Press Publ., 1972, pp. 96–114. (In Russ.)

Bulgarin F. V. *Zhurnal'naia vsiakaia vsiachina* [Journal of all sorts of things]. *Severnaia Pchela* [Northern Bee], 1852, April 19, № 87, pp. 345–347. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' i Belinskii: K istorii polemiki* [Gogol and Belinsky: On the history of controversy]. *Gogoleznavchi studii. Gogolevedcheskie studii* [Gogoleznavchi Studii. Gogological studies studios]. Nezhyn, 1999, Issue 4, pp. 50–73. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [Gogol — artist and thinker: Christian foundations of the worldview]. Moscow, 2000. 448 p. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Moskva i Rim v tvorchestve Gogolia* [Moscow and Rome in the works of Gogol]. *Moskva v russkoi i mirovoi literature. Sbornik statei* [Moscow in Russian and world literature. Digest of articles]. Moscow, 2000, pp. 128–152. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Istoricheskie vozzreniia Gogolia i zamysel poemy «Mertvye dushi»* [Historical views of Gogol and the concept of the poem “Dead Souls”]. *Gogoleznavchi studii. Gogolevedcheskie studii* [Gogoleznavchi studii. Gogological studies studios]. Nezhyn, 2001, Issue 7, pp. 77–93. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Aleksandr Ivanov v pis'makh, dokumentakh, vospominaniakh* [Alexander Ivanov in letters, documents, memoirs]. Moscow: XXI Century Concord, 2001 Publ. 776 p. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Primechaniia* [Notes]. *Neizdannyi Gogol'* [Unreleased Gogol], the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, 2001, pp. 431–590. (c) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Poema «Mertvye dushi»: problemy istolkovaniia* [Poem “Dead Souls”: interpretation problems]. *Gogolevskii vestnik* [Gogolevsky Bulletin]. Moscow, 2007, Issue 1, pp. 99–220. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *...I po tu, i po etu storonu Dikan'ki* [...On both sides of this Dikanka]. *Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t.* [Complete Works and Letters: in 17 vols]. Moscow; Kiev, 2009, vol. 1, pp. 504–541. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *«Delo, vziatoe iz dushi...»* [“A case taken from the soul...”]. *Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t.* [Complete works and letters: in 17 vols]. Moscow; Kiev, 2009, vol. 5, pp. 531–572. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *K istorii sozdaniia i publikatsii dukhovnoi prozy Gogolia* [On the history of the creation and publication of Gogol's spiritual prose]. *Gogol' N. V. Poln.*

sobr. soch.: v 17 t. [Complete Works and Letters: in 17 vols]. Moscow; Kiev, 2009, vol. 6, pp. 419–445. (c) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Kommentarii* [Commentary]. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [Taras Bulba. Autographs, lifetime editions. Historical and literary and textological commentary], the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, 2009, pp. 387–665. (d) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Vospominaniia o Gogole i pis'ma k nemu grafa A. P. Tolstogo (iz neopublikovannykh materialov P. A. Kulisha)* [Memoirs of Gogol and letters to him by Count A. P. Tolstoy (from unpublished materials by P. A. Kulish)]. *N. V. Gogol' i russkaia literatura. Deviatye Gogolevskie chteniia* [N. V. Gogol and Russian literature. Ninth Gogol Readings]. Moscow, 2010, pp. 75–82. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Kosmopolit ili patriot? Kontseptsii patriotizma v sporakh s Gogolem i o Gogole* [Cosmopolitan or patriot? The concept of patriotism in disputes with Gogol and about Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics]. Petrozavodsk, 2017, vol. 15, № 3, pp. 35–69. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu «Mertvykh dush»* [Blessed are the peacekeepers. From the story of two Ivans to the concept of “Dead Souls”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Herald]. Series 9, Philology, 2017, № 3, pp. 7–18. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu «Mertvykh dush» (prodolzhenie)* [Blessed are the peacekeepers. From the story of two Ivans to the concept of “Dead Souls” (continued)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Herald]. Series 9, Philology, 2017, № 4, pp. 51–67. (c) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie* [Chronicle of the life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication]. In 7 vols, vol. 5. 1845–1847. Moscow: IMLI RAS, 2018. 928 p. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Znachenie Rima v nasledii Gogolia* [The value of Rome in the heritage of Gogol]. *Tvorchestvo N. V. Gogolia v kontekste evropeiskikh kul'tur. Vzgljad iz Rima. Semnadsatye Gogolevskie chteniia* [Creativity of N. V. Gogol in the context of European cultures. A look from Rome. Seventeenth Gogol Readings]. Moscow, Novosibirsk, 2018, pp. 41–51. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Fenomen zapadnichestva v slavianofil'stve: vzgliad Gogolia* [The phenomenon of Westernism in Slavophilism: a view of Gogol]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2019, № 2 (12), pp. 189–224. (a). (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Slavianofil-gosudarstvennik. Gogol' v dvizheniiakh epokhi* [Slavophile-statesman. Gogol in the movements of the era]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2019, vol. 1, № 2, pp. 38–63. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Iu. F. Samarin kak neizvestnyi adresat «Vybrannykh mest iz perepiski s druž'iami» N. V. Gogolia. K 200-letiiu myslitel'ia-slavianofila* [Yu. F. Samarin as an unknown recipient of N. V. Gogol's “Selected Places from Correspondence with Friends”. On the 200th anniversary of the Slavophil thinker]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2019, vol. 54, pp. 197–212. (c) (In Russ.)

Viazemskii P. A., Prince. «*Revizor*». *Komediia. Soch. N. Gogolia. S.-Peterburg. 1836* [“The Government Inspector”. Comedy. Op. N. Gogol. St. Petersburg. 1836]. *Sovremennik, litteraturnyi zhurnal, izdavaemyi Aleksandrom Pushkinym* [Contemporary, literary magazine published by Alexander Pushkin], 1836, vol. 2, pp. 285–309. (In Russ.)

Viazemskii P. A., Prince. *Iazykov. — Gogol'. Sanktpeterburgskie Vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti], 1847, April 24, № 90, pp. 417–422. (In Russ.)

Viazemskii P. A., Prince. *Neskol'ko slov o narodnom prosveshchenii v nastoiashchee vremia* [A few words about public education at present]. *Poln. sobr. soch. Kniazia P. A. Viazemskogo. V 12 t.* [Complete Works of Prince P. A. Vyazemsky in 12 vols]. Edition of the graph S. D. Sheremetev. St. Petersburg, 1882, vol. 7, pp. 16–27. (In Russ.)

Gertsen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected Works in 30 vols]. Moscow, 1954, vol. 2. 516 p., 1956, vol. 7, 468 p.

Gillel'son M. *Neizvestnye publitsisticheskie vystupleniia P. A. Viazemskogo i I. V. Kireevskogo* [Unknown publicistic speeches by P. A. Vyazemsky and I. V. Kireevsky]. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 1966, № 4, pp. 120–134. (In Russ.)

Gillel'son M. I. *P. A. Viazemskii. Zhizn' i tvorchestvo* [P. A. Vyazemsky. Life and art]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 393 p. (In Russ.)

Gillel'son M. I. *Perepiska P. A. Viazemskogo i V. A. Zhukovskogo (1842–1852)* [Correspondence of P. A. Vyazemsky and V. A. Zhukovsky (1842–1852)]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik. 1979* [Monuments of Culture. New discoveries. Yearbook. 1979]. Leningrad, 1980, pp. 34–75. (In Russ.)

Glebov S. I. *Gogol' v Nezhinskom litsee. (Iz vospominanii V. I. Liubich-Romanovicha)* [Gogol at the Nizhyn Lyceum. (From the memoirs of V. I. Lyubich-Romanovich)]. *Istoricheskii Vestnik* [Historical Bulletin], 1902, February, pp. 548–560. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Soch. N. V. Gogolia. 10-e izd.* [Works of N. V. Gogol. 10th edition], the text is verified with the author's own manuscripts and the initial editions of his works by N. Tikhonravov. Moscow, 1889, vol. 1. 712 p. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch.: v 14 t.* [Complete Works in 14 vols]. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1937, vol. 2, texts and comments were prepared by I. Ya. Aizenshtok, V. V. Gippius, V. P. Petrov, N. L. Stepanov, B. M. Eichenbaum. 762 p. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t. (15 kn.)* [Complete Works and Letters in 17 vols. (15 books)], compilation, preparation of texts and comments by I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow; Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate Publ., 2009–2010, vol. 1–17. (In Russ.)

Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 t. [Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. A complete systematic set of documentary evidence. Scientific critical edition. In 3 volumes], edition prepared by I. A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAS Publ., 2011–2013, vol. 1–3. (In Russ.)

Gogol' v neizdannoi perepiske sovremennikov (1833–1853) [Gogol in an unpublished correspondence of contemporaries (1833–1853)], publication and comments by N. G. Rosenblum. *Lit. nasledstvo* [Literary heritage], vol. 58. Moscow, 1952, pp. 533–774. (In Russ.)

N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniia [N. V. Gogol. Materials and research]. Moscow; Leningrad, 1936, vol. 1. 502 p. (In Russ.)

Golokhvastov D. P. *Golos v zashchitu Russkogo iazyka. (Stat'ia, pomeshchennaia v № 11-m Zhurnala Moskvitianin, 1845)* [Voice in defense of the Russian language. (Article in Journal № 11: Moskvityanin, 1845)]. Moscow: At the University Printing House Publ., 1845. 90 p. (In Russ.)

Grech N. I. *Pokhozhdeniia Chichikova, ili Mertvyie dushi. Poema N. Gogolia. Moskva. 1842. V tipografii Universitetskoi, v bol'shuiu 8 iu d. l. 475 str.* [Adventures of Chichikov, or Dead souls. Poem by N. Gogol. Moscow. 1842. At the Universitetskaya printing house, in a large 8th share of the sheet. 475 pp.] *Severnaia Pchela* [North Bee], 1842, June 22, № 137, pp. 546–547. (In Russ.)

Grigor'ev A. A. *Peterburgskii sbornik. S. Peterburg, 1846, v bol'shuiu 8* [Petersburg collection. St. Petersburg, 1846, in the Big Eight]. *Finskii Vestnik* [Finnish Herald], 1846, vol. 9, May, Division V, pp. 21–34. (In Russ.)

Grot Ia. K. *Sergei Timofeevich Aksakov v zabotakh o Gogole* [Sergey Timofeevich Aksakov in the care of Gogol]. *Russkaia Starina* [Russian Starina], 1887, № 1, pp. 249–250. (In Russ.)

Grot Ia. K., Pletnev P. A. *Perepiska Ia. K. Grota s P. A. Pletnevym* [Correspondence of Y. K. Grot with P. A. Pletnev]. St. Petersburg, 1896, vol. 2. 968 p. (In Russ.)

Dmitriev M. *O natural'noi shkole i narodnosti* [About the natural school and nationality]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1848, № 9, pp. 15–41. (In Russ.)

Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Zen'kovskii V. V. *Russkie mysliteli i Evropa. (Kritika evropeiskoi kul'tury u russkikh myslitelei)* [Russian thinkers and Europe. (Criticism of European culture among Russian thinkers)]. Paris, 1926. 292 p. (In Russ.)

Zen'kovskii V., professor, protopresbyter. *N. V. Gogol*. Paris, 1961. 261 p. (In Russ.)

Ignatii Brianchaninov, saint. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, 1993, vol. 7. 480 p. (In Russ.)

Imperator Nikolai Pervyi. Nikolaevskaia epokha. Slovo Russkogo Tsaria. Apologiia Rytsaria. Nezabvennyi [Emperor Nicholas the First. Nikolaev era. The word of the Russian Tsar. Apology of the Knight. Unforgettable], the publication was prepared by M. D. Filin. Moscow, 2002. 752 p. (In Russ.)

Katkov M. N. *Pis'ma M. N. Katkova k A. N. Popovu. 1843–1857* [Letters of M. N. Katkov to A. N. Popov. 1843–1857]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1888, № 8, pp. 480–499. (In Russ.)

Kireevskii I. V. *Bibliografiia* [Bibliography]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1845, № 1, Division 10, pp. 1–5. (In Russ.)

Kozhinov V. V. *K metodologii istorii russkoi literatury (o realizme 30-kh godov XIX veka)* [On the methodology of the history of Russian literature (on realism of the 30s of the XIX century)]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1968, № 5, pp. 73–80. (In Russ.)

Konshina E. N. *Pis'ma K. S. Aksakova k V. G. Belinskomu* [Letters of K. S. Aksakov to V. G. Belinsky]. *Trudy Vsesoiuznoi biblioteki im. V. I. Lenina* [Transactions of the V. I. Lenin All-Union Library]. Moscow, 1939, collection 4, pp. 202–207. (In Russ.)

Koshelev V. A. «*Mertvyie dushi*» N. V. Gogolia v traktovke rannikh slavianofilov [“Dead Souls” by N. V. Gogol in the interpretation of the early Slavophiles]. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 1976, № 3, pp. 82–100. (In Russ.)

Koshelev V. A. *Esteticheskie i literaturnye vozzreniia russkikh slavianofilov. 1840–1850-e gody* [Aesthetic and literary views of Russian Slavophiles. 1840–1850s]. Leningrad, 1984. 196 p. (In Russ.)

Koshelev V. A. *K. S. Aksakov i zapadnye revoliutsii. Publitsisticheskie stat'i 1848 g.* [K. S. Aksakov and Western Revolutions. Journalistic articles of 1848]. *Literatura i istoriia*.

(*Istoricheskii protsess v tvorcheskoi soznanii russkikh pisatelei XVIII–XX vv.*) [Literature and history. (The historical process in the creative mind of Russian writers of the 18th — 20th centuries)]. St. Petersburg, 1992, issue 1, pp. 306–312. (In Russ.)

Koshelev V. A. *Aleksei Stepanovich Khomiakov, zhizneopisanie v dokumentakh, v rassuzhdeniiakh i razyskaniiaakh* [Aleksii Stepanovich Khomyakov, biography in documents, in reasonings and searches]. Moscow, 2000. 512 p. (In Russ.)

Kuleshov V. I. *Slavianofily i russkaia literatura* [Slavophiles and Russian literature]. Moscow, 1976. 288 p. (In Russ.)

Kulish P. A. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem* [Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol, compiled from the memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters], the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAS Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)

Kurilov A. S. V. G. *Belinskii v zhizni i tvorchestve* [V. G. Belinsky in life and work]. Moscow: Russian Word Publ., 2012. 152 p. (In Russ.)

Mann Iu. V. *V poiskakh zhivoi dushi. «Mertvye dushi»: pisatel' — kritika — chitatel'* [In search of a living soul. Dead Souls: writer — criticism — reader]. Moscow, 1984. 416 p. (In Russ.)

Masaľskii K. P. *Pokhozhdeniia Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolia* [Adventures of Chichikov, or Dead Souls. The poem of N. Gogol]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland], 1842, № 6, Division 6, pp. 1–30. (In Russ.)

Materialy po istorii russkoi literatury i kul'tury. I. S. Aksakov v Iaroslavle. Po neizdannym pis'mam k nemu S. T. Aksakova i ego sem'i [Materials on the history of Russian literature and culture. I. S. Aksakov in Yaroslavl. According to unreleased letters to him S. T. Aksakova and his family], reported by A. A. Dunin. *Russkaia Mysl'* [Russian Thought], 1915, № 8, pp. 107–131. (In Russ.)

Neverov Ia. *Obozrenie russkikh gazet i zhurnalov za pervuiu polovinu 1835 goda* [Review of Russian newspapers and magazines for the first half of 1835]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1836, № 8, pp. 428–440. (In Russ.)

Neizdанные pis'ma k Gogoliu [Unpublished Letters to Gogol], publication and comments by L. Lansky. *Lit. nasledstvo* [Literary heritage], vol. 58. Moscow, 1952, pp. 797–836. (In Russ.)

Nekrasov I. S. *Znachenie Gogolia v istorii russkoi literatury* [The value of Gogol in the history of Russian literature]. Nekrasov I. S. *O znachenii Lermontova i Gogolia v istorii russkoi literatury. Dve publichnye lektsii* [On the value of Lermontov and Gogol in the history of Russian literature. Two public lectures]. Odessa. 1887, pp. 19–38. (In Russ.)

Panaev I. I. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Leningrad, 1950. 472 p. (In Russ.)

Pletnev P. A. *Razbor novykh knig. Novye sochineniia* [Analysis of new books. New Works]. *Sovremennik* [Sovremennik], 1842, vol. 28, № 4, pp. 82. (In Russ.)

Pogodin M. P. *Primechanie k anonimnoi stat'e «Putevye vpechatleniia»* [Note to the anonymous article “Traveling impressions”]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1843, № 7, pp. 178. (In Russ.)

Polevoi N. *Pokhozheniia Chichikova, ili mertvye dushi. Poema N. Gogolia* [Adventures of Chichikov, or dead souls. The poem of N. Gogol]. *Russkii Vestnik* [Russian Bulletin], 1842, № 5 and 6, May and June, Division 3, pp. 33–57. (In Russ.)

Polevoi P. N. *Vek nyneshnii i vek minuvshii. (Iz ocherkov budushchei istorii literatury)* [Century present and past century. (From essays on the future history of literature)]. *Istoricheskii Vestnik* [Historical Herald], 1887, № 4, pp. 169–186. (In Russ.)

Poln. sobr. zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobr. 2-e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2]. St. Petersburg, 1838, vol. 12, department 1. 822 p. (In Russ.)

Popov V. P. *Otnoshenie Gogolia k broshiu K. Aksakova o «Mertvykh dushakh»* [Attitude of Gogol to K. Aksakov's pamphlet on "Dead Souls"]. *Esteticheskie vzgliady pisatel'ia i khudozhestvennoe tvorchestvo* [Aesthetic views of the writer and artistic creation]. Krasnodar, 1981, pp. 47–54. (In Russ.)

Popov Nil. *Pis'ma Iurii Fedorovicha Samarina. (1840–1845)* [Letters of Yuri Fedorovich Samarin. (1840–1845)]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1880, book 2, № 5–8, pp. 241–332. (In Russ.)

Pokhozheniia Chichikova, ili mertvye dushi. Poema N. Gogolia [Chichikov's adventures, or dead souls. The poem of N. Gogol]. *Literaturnaia Gazeta* [Literary Newspaper], 1842, June 14, № 25, pp. 470–476. (In Russ.)

Putevye vpechatleniia [Travel impressions]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1843, № 7, pp. 178–202. (In Russ.)

Rozen E. F., baron. *Poema N. V. Gogolia ob Odissee* [The poem of N. V. Gogol about the Odyssey]. *Severnaia Pchela* [Northern Bee], 1846, August 14, № 181, pp. 722–723. (In Russ.)

Rozenblium N. *Belinskii v neizdannoi perepiske sovremennikov* [Belinsky in an unpublished correspondence of contemporaries]. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 1962, № 1, pp. 195–211. (In Russ.)

Samarin Iu. F. *Soch.: v 12 t.* [Works in 12 vols]. Moscow, 1911, vol. 12, Letters, 1840–1853. 478 p. (In Russ.)

Senkovskii O. I. *Pokhozheniia Chichikova, ili Mertvye Dushi. Poema N. Gogolia* [Adventures of Chichikov, or Dead Souls. The poem of N. Gogol]. *Biblioteka dlia Chteniia* [Library for Reading], 1842, vol. 53, part 2, № 8, division 6, pp. 24–54. (In Russ.)

Simonova I. A. *Fedor Chizhov*. Moscow: Young Guard Publ, 2002. 335 p. (In Russ.)

Sollogub V. A., graf. *Iz vospominanii grafa V. A. Solloguba. (Chitano v publichnom zasedanii Obshchestva Liubitelei Rossiiskoi Slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete 28 marta 1865 g.)* [From the memoirs of Count V. A. Sollogub. (Read at a public meeting of the Society of Lovers of Russian Literature at the Imperial Moscow University on March 28, 1865)]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1865, № 5 and 6, columns 735–772. (In Russ.)

Stepanov N. L. *Gogol'. Istoriia russkoi literatury* [History of Russian literature]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1955, vol. 7, pp. 129–260. (In Russ.)

Studitskii A. *Russkaia slovesnost' v 1845 godu* [Russian literature in 1845]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1846, № 1, pp. 225–262. (In Russ.)

Feodor (Bukharev A. M.), archimandrite. *Tri pis'ma k N. V. Gogoliu, pisannye v 1848 godu* [Three letters to N.V. Gogol, written in 1848]. St. Petersburg, 1861. 262 p. (In Russ.)

Feodor (Bukharev A. M.), archimandrite. *O geroiakh poemy «Mertvye dushi»* [On the heroes of the poem “Dead Souls”]. *N. V. Gogol' i Pravoslavie. Sbornik statei o tvorchestve N. V. Gogolia* [N. V. Gogol and Orthodoxy. Collection of articles on the work of N. V. Gogol]. Moscow: To unity! Publ. 2004, pp. 205–230. (In Russ.)

Fridlender G. M. *Primechaniia* [Notes]. *Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: v 14 t.* [Complete Works in 14 vols] Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 12, texts and comments were prepared by R. B. Zaborov, A. N. Mikhailov, A. A. Nazarevsky, G. M. Friedlander, pp. 583–665. (In Russ.)

Khomiakov A. S. *Pis'mo v Peterburg o vystavke* [Letter to Petersburg about the exhibition]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1843, № 7, pp. 211–222. (In Russ.)

Khomiakov A. S. *Opera Glinki Zhizn' za Tsaria* [Glinka's Opera Life for the Tsar]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1844, № 5, pp. 98–103. (In Russ.)

Khomiakov A. S. *Mnenie russkikh ob inostrantsakh. Pis'mo k priiateliu* [Russian Opinion on Foreigners. A letter to a friend]. *Moskovskii Sbornik* [Moscow Collection], 1846, pp. 145–198. (In Russ.)

Khomiakov A. S. *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete Works in 8 vols]. Moscow, 1900, vol. 8. 480 p. (In Russ.)

Shevryev S. *Pokhozhdeniia Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolia. Stat'ia pervaiia* [Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol. Article One]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1842, № 7, pp. 207–228. (a) (In Russ.)

Shevryev S. *Pokhozhdeniia Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolia. Stat'ia vtoraiia* [Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol. Second article]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1842, № 8, pp. 346–376. (b). (In Russ.)

Shevryev S. *Kriticheskii perechen' proizvedenii Russkoi Slovesnosti za 1842 god* [A critical list of works of Russian literature for 1842]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1843, № 1, pp. 274–298. (In Russ.)

Shevryev S. *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'iami N. Gogolia* [Selected Places from Correspondence with Friends of N. Gogol]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1848, № 1, Division 2, pp. 1–29. (In Russ.)

Shevryev S. *Teoriia smeshnogo, s primeneniem k Russkoi komedii* [The theory of the funny, with application to Russian comedy]. *Moskvitianin* [Moskvityanin], 1851, № 1, pp. 106–120. (In Russ.)

Shenrok V. I. *Materialy dlia biografii Gogolia* [Materials for the biography of Gogol]. Moscow, 1898, vol. 4. 978 p. (In Russ.)